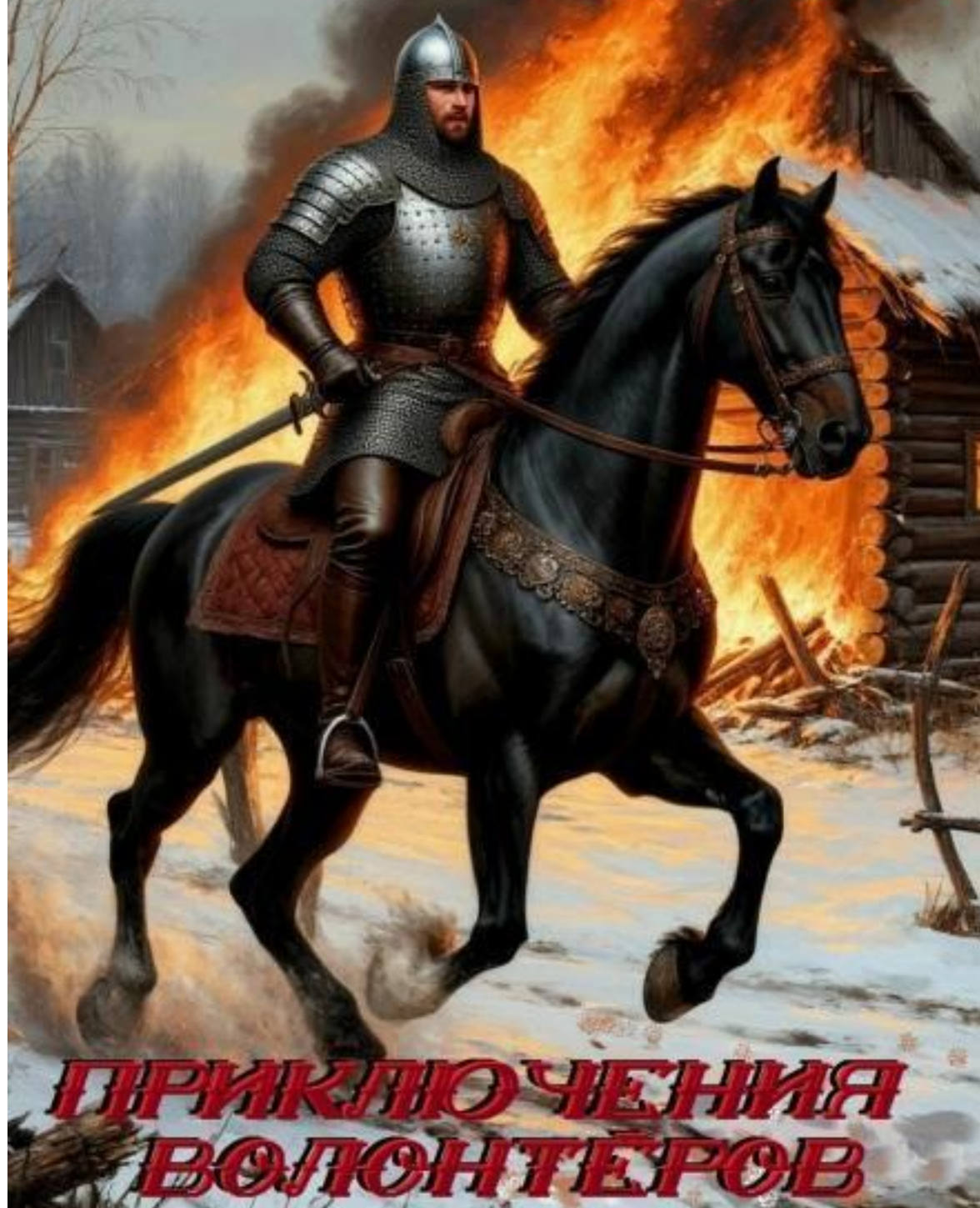

РИКНА ЮЛМАН

ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ВОЛОНТЕРОВ

Риина Юлман

Приключения волонтеров

«Литнет»

2026

Юлман Р.

Приключения волонтеров / Р. Юлман — «Литнет», 2026

Svetlana Pimantjeva. Ну что... Это снова я!))) И я опять буду делиться своими эмоциями, которые я испытываю, читая эту серию!)) ЭТО ВОСТОРГ!!!

Я почти дочитала «Сагу», но автор её убрала с сайта, но зато выложила 4 отдельных тома!!! И я с огромным удовольствием перечитываю их снова! Хотя читала недавно! И эта серия будет одна из моих самых любимых!!

Автору дай Господь здоровья, успехов, вдохновения, всех благ, мира в семье и вообще всего самого наилучшего!! Я безумно рада, что мне на глаза попались ваши книги и я добавила их в библиотеку! Спасибо Вам за ваш труд!! Перед вами книга третья цикла «Волонтеры». Всё теснее связи между попаданцами и хроноаборигенами. Возникают чувства, понимание общности рода человеческого во все времена, невзирая на разницу менталитетов. Вместе, рука об руку они преодолевают трудности, препятствия, непонимание. Борются со злом, источник которого не могут разгадать. Задачи и семейные обстоятельства разделяют их, но это только лишь расстояние и пространство. Они по-прежнему вместе! Книга первая Волонтеры в Средневековье - бесплатная. Книга вторая Орден волонтеров Книга четвертая Миссия волонтеров книга «Сага о волонтерах», объединяющая все четыре книги цикла и под эту же обложку, за ту же цену войдет пятая книга, завершающая цикл. В ноябре 26г.

© Юлман Р., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	10
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5.	23
Глава 6.	27
Глава 7.	31
Глава 8.	35
Глава 9.	40
Глава 10.	47
Глава 11.	51
Глава 12.	54
Глава 13.	57
глава 14.	61
Глава 15.	65
Глава 16.	71
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Глава 1.

ББ

Утомлённый шумным праздником, играми, танцами, обилием впечатлений от встречи с интересными объектами – людьми, замок отдыхал. Он был построен из песчаника, камня, состоящего практически из чистого кремния.

В этом месте, в этот день, я, называемый людьми Большой Босс, получил через него достаточно информации о человеческих эмоциях. Их нужно было переработать, систематизировать, разбить на группы и подгруппы, разложить по полочкам необъятного хранилища. Затем сравнить, отсеять, уничтожить однотипные.

Выделить крайние проявления, измерить их хоть в чём-нибудь, к примеру частотой сокращения сердца и активностью различных излучений мозга.

Проделав работу, решил покопаться в старых файлах, рассматривая информацию о временах, когда был размером с маленький камушек. Это странным образом замедляло мыслительные процессы, но затем прибавляло энергии.

Почти полностью погрузившись в «воспоминания детства», вынырнул в реальность из-за мощного всплеска эмоций органических мыслящих существ.

Включил фиксацию.

Предраассветная тишина содрогнулась от набата и крика дежурного стражника на башне. Услад во всю мощь певческих лёгких голосил в рупор:

- Хагген! В Хаггене три вспышки! Костры горят!

Бегом спустившись с башни в жилую часть, он пронёсся по холодным ночным коридорам.

- Тревога! Вставайте, вставайте! В Хаггене беда! Подъём!

Из комнат уже выглядывали встревоженные люди, Услад от выхода прокричал ещё раз, чтобы ни у кого спросонок не было сомнений:

- У союзников в Хаггене сигнальные костры зажгли! Я в казарму!

Казарма уже выполнила команду «Подъём», их разбудил второй дозорный, что нёс караул во дворе, Сумарок. Десятка Гордея и гвардейцы Вольфа отлаженно, быстро одевались, вздевали брони, разбирали со стойки оружие. Через две минуты Руди уже скакал в деревню за ополчением. Один конь всегда стоял под седлом. Остальных нужно было седлать. В это время с балкона раздался такой душераздирающий вопль, что мужчины вздрогнули, заторопились ещё больше, хотя это было невозможно.

Амалия фон Штакельберг, неодетая, босая, с искажённым от ужаса лицом смотрела в сторону Хаггена, где в ночном небе грозно блистали багровые отблески большого огня.

- Детки мои! Мои маленькие! Дети!!! Маленькие мои! Маленькие мои! Мои маленькие! – звериным криком заходила несчастная мать. Значения параметров измерения эмоций подходили к критическим. Муж-инвалид не смог справиться с ней один, она словно обезумела и почти свесилась через перила, словно хотела полететь домой птицей. Её скрутила крепкая герцогиня со своей горничной Летти, буквально силой поволокли внутрь.

Освободившись от жены, Штакельберг вернулся в спальню, там уже лихорадочно облачался его отец. Мать поднесла обоим оружие, быстро помогла надеть доспехи. Вооружившись, они побежали во двор, им попадались по пути мужчины, как живущие в баронстве, так и гости. На ходу опоясываясь оружием, они спешили в конюшню. Но лошади уже были выведены во двор, конюх Ганс запрягал спешно Орлика в телегу. Августа в одной кацавейке и шали поверх сорочки запрягала Буянку во вторую. Отто уже запряг третью. Север уже подготовил бричку. Санний возок взял на себя истопник.

Всё делалось ожесточённо и почти молча. Выскочил из башни Доминик с мешочками в руках, подбежал к возку, затолкал в задний ящик. Три крепких гвардейца грузили в сани пушку. Лысый пушкарь, приседая от напряжения, нёс в ящике что-то очень тяжёлое.

Герцог надел только латы и шлем, Гордей выскочил в кольчуге, в бармице, без поножей, но вооружился аж тремя видами оружия. Андреас, Северин и Виктор имели рыцарское облачение, доспехов было достаточно в старом замке. Непривычные к нему надели только панцирь, да и времени не было облачаться полностью. Распределили два пистоля, пули к ним и мушкет. Мушкет достался Виктору, он более всех интересовался его устройством, даже немного стрелял.

Лица мужчин стали жёсткими и суровыми, черты словно разом огрубели. Скоро им придётся убивать. Я знаю. Для них это нормально. Люди часто убивают друг друга. Прошло пятнадцать человеческих минут после пробуждения. Конный попарный строй более тридцати вооружённых мужчин после сигнала рожка Гордея рванулся с места в карьер. Следом за ними, быстро, как только возможно, поехали пустые сани, возок, бричка. Они проедут по деревне, собирая отряд на его первую битву. Отстанут от всадников, скачущих верхом, но их помощь может быть крайне нужной, неоценимой в решающий момент.

В замке остались растерянные, испуганные женщины и девушки, слуги. Плач Амалии перешёл в какой-то заунывный, безнадежный тихий вой, усиливая и без того паническое настроение. Сами по себе, все собрались в главном зале внизу и смотрели на Амелинду. Если наступало военное положение, женщины подчинялись самой старшей по статусу даме, выполняя её приказы беспрекословно. Все прекрасно знали это правило.

Герцогиня не подвела, благодаря технике успокаивающего дыхания первоначальная паника и суэта прекратились.

- Кто что умное скажет, кто уже пережил нападение, осаду? Мне не доводилось, — обратилась к толпе женщин и слуг Амелинда.

Как ни странно, Амалия вдруг собралась, лицо её было зарёванным, расплывшимся, но имело решительное выражение:

- Нужно подготовиться к оказанию помощи раненым, лекаря сейчас с нами нет, поэтому самим придётся.

Несколько горничных и девушек торопливо ушли, кто в кухню, кто в бельевую за чистым полотном. Верена с Луизой и Лаурой пошли наверх готовить мыльню в главной гостевой под операционную. Эти ученицы были лучшими по лекарскому делу и выхаживанию раненых.

Свекровь Амалии, дама решительная и боевая, пережившая многое, заявила:

- Гарнизон у нас добрый, продержится до подмоги. Ты тоже держись, дочка, не убивайся так рано. Если гнать коней не жалея, можно доскакать очень быстро. Но если противник разделся, может случиться так, что и нам грозит опасность. Все защитники наши — там. Нужно самим подготовиться к обороне!

Новая волна паники. Тут уже вмешался падре Конрад, голос у него по долгу службы, когда надо, зычный:

- Всё в руках Божьих! Я молюсь, выполняйте распоряжения герцогини!

Герцогиня распорядилась:

- Ида! Спустись в подвал, проверить потайной ход! Баронесса тут же исчезла.

- Дороти, на тебе наследница. Головой отвечаешь, я не шучу. За тёплой одеждой сходите и вниз. Отсюда — никуда. Леди Кларисса, ни на шаг от фрейлины, понятно? Это приказ! Госпожа Зиверс, вы с внучкой держитесь с ними рядом.

- Девушки и женщины - в один строй, в ряд. Мужчины в другой строй.

Мужчин было мало. Падре с чётками, вооружённый алебардой Глушила на костылях с мальчиком-ординарцем, истопник с кочергой и трое возрастных слуг баронов с личными кинжалами. Камердинер герцога Хессела был по совместительству оруженосцем и, так же как

молодые слуги из замка, считался боевой единицей. Они все, по двое на одной лошади, ускорились вслед за господами.

Линда продолжала давать короткие отрывистые приказы:

- Девушки, десять человек справа бегом по всему дому закрыть наружные и внутренние ставни на засовы. Истопнику быстро погасить все очаги и печи, кроме кухонного котла с кипятком. Падре Конрад, во двор и громко зовите всех в дом, обойдите все подсобные помещения, службы, флигель. Да факел возьмите, тьма же, ну!

Каждый, получив команду, тут же беспрекословно кидался её выполнять.

- Матушка, собирай тёплые плащи, одеяла, не смотри, где чьё. Помощницу бери, Сара, с ней идёшь. Узлы вяжите и прямо кидайте по лестнице в подвал. Там подберём.

- Так, кухарботники, хлеб и всё, что можно из еды унести, в корзины сложите.

- Вы трое, давайте лавки и столы подносите к дверям ближе. К чёрному ходу тоже. Девушки, кто покрепче, ты, ты и ты, помогаем слугам. Горничные, что стоим?

Остальные девицы, все ценности, не тряпье, а деньги и украшения, шкатулки, сносим в подвал, там Идалия подскажет, где сложить. Поторопите её ко мне, жду!

- Глушила, что я упустила?

- Кто на башнях сейчас стоят, никто? Я так и знать! Ты, парень, бегом наверх бежать! Стоять! Смотреть сильно в два глаза! Враг смотреть! Одеть себя, быстро, быстро!!! Факел брать!

Умчался сорванец-ординарец, что всюду помогал инвалиду и всегда был при нём.

- Что там есть в подвале, боярыня? Ходить под землю?

- Да, десятник. Есть ход. Не знаю, сможем ли открыть.

- Как не сможем? Тогда где людей прятать? Боярышень? А? Враг прийти, их, девок, того, этого!

- Я в оружейную. За старшего, десятник. Пока не приду, командуй. Воду поручи кому в подвал снести. Еда там есть.

Амелинда наддала ходу, задрав до колен злосчастные юбки. В оружейной не осталось холодного оружия «дальнего боя», пик, копий, секир, алебард. Мечей тоже не было. Злясь и ругаясь известно на кого, она металась по круглой комнате с факелом, как на цирковой арене, тень её была огромной, согнувшейся и вздыбленной, словно кошка перед прыжком.

- Вот ведь пиписьки ходячие! Всё подчистую выгребли! Давно не наезжала, список потеряли, кого бояться надо! Что делать, что делать... Остолопы этикие. Ай!

Она ударилась ногой об угол того самого ящика, где много веков вперёд обнаружила коллекцию Вальдемара. Он лежал на полу раскрытый. Четыре шпаги, две сабли и восемь красивых кинжалов стали её трофеями. Всё тяжёлое, в дорогих ножнах. Ценность. Упаковала в одеяло месье Доминика, он жил в башне этажом выше. С увесистым свёртком на плече быстро шла через второй этаж, наблюдая, как захлопываются ставни, шипят, чадят залитые камины, девушки сосредоточенно сваливают ценности в наволочки. На первом этаже падре Конрад докладывал Глушile:

- Прошёлся, молочница на утреннюю дойку пришла, мы коров, овец и свиней с птицей на волю выпустили. Если ворог придёт вдруг, пусть погоняются. Чтоб легко не досталось. Вот малец спал за печкой в казарме, курьер. Еле добудился. Всё. Остальные люди в доме. Один на башне. Наружные ворота заперты.

Илма стала помогать делать баррикаду у входа. Мальчику было поручено оббежать дом и всем передать: по сигналу половника об медный таз бежать к двери в подвал. Оттуда выскочила взбудораженная баронесса. Издалека закричала Амелинде:

- Есть! Он есть! Вот прямо у меня на глазах появился! Всё значит, значит всё!

- Что «всё», ты что голосишь, Ида? Спокойно доложи, как подобает баронессе.

- Товарищ герцогиня! Потайной ход открыт, значит точно будет нападение на замок! Но мы будем спасены!

Если успеем...

- Скачут, скачут! - петушиным фальцетом орал папан с башни, забегая в коридор, - я поджѣг хворост на башне! Скачут! Не с Хаггена, со стороны Берга! Всадников более трёх десятков. Вот-вот тут будут!

Непонятно, почему с противоположной стороны? Может это помощь? Нет. Им в Берге за дальностью расстояния сигнала с Хаггена точно не видеть.

- Эй, кухня! Бить в тазы, громче, громче!

- Проверить чёрный ход, главный ход, засовы! Баррикаду! Доложить мебель ещё!

В зал отовсюду сбегаются люди, из кухни беспрестанно несутся лязг металла.

- Кухня, ко мне! По одной корзине в руки, как по лестнице будете спускаться? Становись в цепочку, смотрим - все здесь? Верена, Луиза... Лаура, где они?

- В мыльной, там не слышно!

- Ты! Стрелой за ними!

- Строимся, Идалия - ты первая, неважно кто за кем, главное - все! А, нет, важно: вы двое впереди Глушилы, удержите, если будет падать. Костыли брось. Ты - его руку на плечо. Лестница там широкая, его к стене. Дохромаешь, боец?

- Приказать - ползать!

- Девушки, слава Богу! Верена, Эмма, в центр. Падре — передо мной, я замыкаю. Узлы мужчинам в руки. Девушки, дамы, платья выше задрать. Выше, сказала! Быстрее. Вперёд, баронесса, ведите нас!

Первые удары в обе двери послышались, когда Линда с падре закладывали мощным засовом вход подвала изнутри. Цепочка из почти пятидесяти человек была такой протяжённой, что в этот момент баронесса уже начала спуск по винтовой лестнице в мои владения. Все факелы в коридоре забрали, как и масляные лампы в нишах. У каждого в руках что-то да было. Установилась напряжённая тишина, слышно только дыхание и отдалённые глухие удары в наружные двери.

- Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его, и да бежат от лица Его ненавидящие Его... Августа командует, ибо Линда далеко, точнее высоко на лестнице:

- Сара, Кристи, направо. По головке сыра берите, в строй. Цецилия, Хильда — налево, колбас наберите, в строй. Парни, по окороку на плечо и в строй.

- Может, пива, вон тот малый бочонок, а то воды всего пять кувшинов.

- Молодец, бери, тащи.

Сверху раздался треск, дубовые двери не выдержали тарана. Баррикада задержит ненадолго. По дому сначала помечутся. Начнут в подвал ломиться.

- Падре, по цепочке вперёд передайте: ускоряемся!

Замыкающая Амелинда увидела сверху: люди-нуклеотиды, медленно закручиваясь, двигались вниз по гигантской спирали ДНК, словно шёл процесс синтеза белка, основы органической жизни на моей планете. Я отметил положительно образность её мышления. Оно у барышни противоречивое, порой парадоксальное, бывает нелогичным, но сам его тип энтальпический, созидающий.

Зачастили толпой ко мне в гости. Каждые двести-триста лет приходят. Подготовимся. Надо температуру поднять, живность разогнать. Запись происходящего поставить в режим ожидания, вернуться с Хаггена волонтеры, посмотрят как миленькие. Куда им деваться, техникой осознанных снов не владеют, потоком квантовым не управляют, смотрят, что покажут.

Хитро Амелинда народ построила. С гарантией прохода. Знак своим рядом оставила. Да, эту дату она точно запомнит навсегда. Ну, ступенька, ещё, вперёд... Там наверху дверь в

подвал уже выломали. Здесь — раз. Камни возникли. Закрыто. Чик-чик, мы в домике. У них так дети играют.

Глава 2.

Андреас

Благодарен Северу. Если б не его ежедневные занятия по верховой езде, то где - то на полпути мы с Виктором позорно свалились бы с коней. Вальдемар держался в седле отлично, ускакал от нас вперёд. Давно исчезла из вида группа гвардейцев и наша десятка.

Мы неслись бешеным аллюром, бряцая как лохи железяками, но всё равно отстали, нас догнали сани с деревенскими новобранцами, следом возок и мой бывший Харлей, ныне двух-колёсная бричка.

Весь транспорт битком набит мужчинами, парнями и подростками. Вот их бы следовало оставить. Несовершеннолетние же. Возницы свистят и хлещут над спинами лошадей кнутом. От них начал валить пар. Зарево приближается. Какое то оно слишком мощное для сигнального костра.

Поворот дороги, вылетаем. Мама моя родная! Горит деревня, ближняя к замку. На фоне огня наши кони без всадников и мечутся у домов чёрные человеческие фигурки.

Ближе. Вижу Гордея, он указывает рукой направление двум группам и что то кричит.

- Гордей, доложи!

- Ворога нет. Не нападение. Поджог. Гарнизон и слуги из замка Хагген почти сразу были. Отвоёвывают с того края избы, что можно спасти.

- Почему думаешь поджог?

- Случайно разве кто огнём возле сена баловался? Несколько стогов сразу занялись. Дураков нет. Погода морозная, ветрено сильно, снег с крыш весь сдуло, воздух сухой. Поджог. Эй, куда ты дурень? Да в снегу хоть поваляйся!

Наши крестьяне окружили ближнюю избу, крыша вмиг загорелась от искрящего на сильном ветру стога. Кто - полез наверх скидывать горящий камыш. Жители быстро, молча выносили и кидали в снег вещи. Забегали обратно.

Я топтался рядом, вообще не понимая что делать. Пожарки нет, воды нет, реки нет, песка нет, багров, ломов тоже нет. Снегом что ли закидывать? Во что его набирать то? Пусть сами думают:

- Снег в дом заносите, кидайте! Вы - барахло в окно выкидывайте, не мешайте заходить!

Скинул народ накидки, тулупы, полость большую с саней взяли, набивают руками, ногами и таскают в дом.

- Разделиться на команды по пятёркам, к другим домам быстро! То же самое там делать.

Работа началась. Местный МЧС тушил пожар с другого конца деревни, того что ближе к замку. Там барон Штакельберг с сыном командовали. В центре герцог с Готфридом. Тут получается я должен? Я, блин, ни разу не пожарник. Ору что есть мочи, треск и гул пламени заглушают команды:

- Вместо багров алебарды берите! Всё, хватит, хозяев больше не пускать, нам жертвы не нужны. Да держите эту дурищу! У неё одежда горит! В сугроб её, в сугроб!

Крестьяне никак не желали расставаться со своим убогим добром. Посадив детей на наши сани, четверо взрослых кашляя всё норовили кинуться в дом, мешая тушению. К амбару их, пусть зерну не дадут сгореть.

- Лопаты есть?

- Ась? Очумелый закопчённый мужик с опалённой бородой дышит с хрипом, пуча глаза.

- Лопаты в зубы и всем семейством снег на крышу амбара кидайте! Пока не загорелось! Без жратвы ведь останетесь! Сарай открой, чучело! Скотина сгорит!

Организовал здесь, теперь на коня и по другим домам, что рядом. Разом вспыхнули крыши трёх построек в центре. Гордей поскакал туда. Баронство Хагген богато лесом, дома, сараи, амбары - бревенчатые, потолки и пол из досок, крыши из тростника и соломы, dranki.

Гуляй огонь, пали нажитое десятилетиями труда, жги семейный угол и уклад жизни. Вот когда я возблагодарил разумных предков за каменные дома Мюнна.

Вдыхаю то морозный, то раскалённый воздух. Он пахнет большой бедой и гарью. Болит раненое лёгкое. Команды пятёрке приходится орать прямо в уши, низкий утробный рёв пламени нарастает. Кожа на лице стягивается, кажется высохли даже глаза. Ночью светлее чем летним днём.

Ревёт и носится по деревне перепуганный скот. Отчаявшись спасти дома, люди перекинули усилия на спасение припасов, имущества. Голосят бабы, плачут перепуганные насмерть малые дети. Только несколько домов на отшибе вне опасности. Остальные либо полыхают, либо скоро вспыхнут. Вот на них нужно сосредоточить усилия.

- Спасаем те дома, что ещё не горят, всё, переходим. Тут нет смысла. По два человека, на крышу, давайте, давайте! Кто полетче, молодежь, давайте! Бричку подгоните ближе. Руди - держи крепко лошадь. Снег в бричку, оттуда на крышу. Цепью, цепью. А вы там раскидывайте! Вспыхнет - забрасывайте. Кха- кха, чёрт! То же самое - другая пятёрка, к другому дому! Возок подгоните, он высокий!

Рассвело, встало мутное больное солнце. По моим ощущениям прошло не меньше двух часов. Осветило весь масштаб трагедии. Половины деревни не было. Целые дома соседствовали с горами дымящихся, обгорелых брёвен, с очагом в центре. Воняет жареным мясом, палёной шерстью, горелым зерном. Кучи жалких пожитков в снегу рядом. Над всем этим ужасом завеса дыма и безысходного отчаяния.

Мне плохо, голова кругом, я кашляю и харкаю кровью. Да что же такое, два месяца всё нормально было. Я уж думать забыл. Собрал булки в кучу, барон. Кому то уже не хорошо, и не плохо.

Не обошлось без жертв. В том доме, что загорелся первым, пока все спали, а подмога из замка ещё не прибыла. От угара умерли старушка и её дочь. Остальная семья просто угорела, но не до смерти.

Я приказал растаскивать и засыпать снегом тлеющие брёвна. Подъехали отец и сын Штакльберги, Готфрид, фон Дрезе Орбант и Кристоф. Все спешили, взяли в стороне чистого снега, стали оттирать закопчённые лица, я последовал их примеру.

Вдруг приступ сильного кашля снова одолел меня. Не могу остановиться. Как мучительно больно! Нет воздуха, я дышу, дышу, а воздуха нет! Кто то колотит по спине. Содрогнулся всем телом, вовсе уж хрипя. Во рту появился мерзкий склизкий комок, с мерзейшим вкусом и от отвращения реальность отделилась...

Пришёл в себя в гостевых покоях замка Хагген. Ясный день. Солнце бьёт в небольшое окошечко, превращая витраж в причудливый узор калейдоскопа. Я чистый, в чистом, дышу намного лучше, чем в последнее время, почти как до ранения. Чуть - чуть покалывает, как эхо боли, и всё.

Караул у постели выставили: непримечательная женщина лет тридцати сидит у окна и стучит спицами. Видимо давно, чулок длинный. Одета по господски, но весьма скромно. Голова не покрыта, русая коса в огромном пучке. Ясен пень, старая дева, родня и приживалка в одном лице. Наш пансион ей уже ни к чему, совсем по возрасту не подходит. Как к ней обратиться?

-Хм, гм... Госпожа, позвольте представиться - я барон Андреас фон Мюнних.

- Лежите, барон, лежите. Мы голубя в Ольденбург сразу отправили, доктора Вашего герцог приказал срочно звать. До его приезда вы - мой пациент. Баронета Лисбет фон Штакельберг, к Вашим услугам. Сестра барона. Выпейте это.

Она приподняла мне голову с подушкой и дала пить из кружки поилки, кислятина, но освежает. Умело, не унижительно, вытерла свежей тёплой салфеткой лицо.

- Скажу пойду, что вы проснулись.

- А я спал?

- Вначале бессознательного принесли. Привести в чувство не получилось. Мы с камердинером Вас помыли, одели, уложили. Потом, смотрю - щёки порозовели, дыхание выровнялось, глаза под веками забегали. Вы стали дышать как глубоко спящий человек. Это на пользу.

- Прошу, госпожа Лисбет, не ходите пока. Чувствую себя хорошо, дайте ещё немного в покое побуду. Там точно не до меня, ну сплю и сплю. Рассказывайте, всё что знаете о последних событиях. Я помню только как тушить основной пожар закончили и господа вместе собрались.

- Значит так: малые семьи погорельцев в уцелевшие дома уплотнили, разместили. Большие, многодетные в замок привели, кого куда приткнули. Слуг уплотнили, в служебные помещения поселили. В камеры в подвале, там всяко теплее, чем на улице. Даже гостевую одну на три семьи отдали. Ночь - две ночуют, по большей части к родне в другие наши деревни переберутся. Повозки выделит барон. Весной строиться будут.

- Сколько жертв? Не прибавилось?

- Точно не скажу, но трое уже есть. С первого дома, что загорелся. Мать с дочерью угорели сразу, а дитё все ж таки не выжило, тоже от угара. Завалы продолжают войны ваши и наши разгребать, всё может быть.

- Герцог где? Бароны?

- Племянник мой упал неудачно на пожаре. Ребро то ли зашиб, то ли сломал. Ногу вы ему отличную подарили, но не по пожарищам ведь скакать.

Барон Готфрид со слугой и тремя своими стражами домой недавно подались, Сказал - заберёт из Мюнна свою мать и дочь, успокоит ваших да баронессу Амалию, что нападения не было. Его Светлость с оруженосцем и старшим гвардейцем с ними вместе ускакали. Вот недавно совсем, - отмывались долго, да одежду подходящую искали. Брат мой с горя пьёт вино и убытки считает, в кабинете заперся.

- А фон Дрезы? Уехали?

- Нет, решили с Вами вместе завтра ехать. Пока помогают дяде Вашему.

- Чем он занят?

- Допросом всех слуг и крестьян. Очень дотошный господин Вальдемар. Меня тоже допрашивал, я ведь экономкой у брата служу, чтобы не даром хлеб есть.

- Что же в первую очередь его интересовало?

- Кто недавно в замке служит, была ли у семьи тех крестьян, чей дом первый сгорел, с кем либо вражда, ссора. Вообще, какая обстановка в баронстве. часто ли неприятности с людьми и в хозяйстве происходят. Так в общем.

- Госпожа Лисбет, Вы прекрасно осведомлены обо всём происходящем, прямо как полководец на поле битвы!

- Должность такая. Я коренная. Своя. Доверяют мне, и прислуга и жители деревни. Мне никого допрашивать не приходится, сами придут, всё доложат.

Раздался тихий стук, не дожидаясь ответа в комнату зашёл Михаил. Красное обветренное лицо, не снятый плащ, запыхался. Что они там написали такого?

Баронета с чего то сделала глубокий книксен и отошла в сторонку.

- Всё уже нормально, Миш. Ты как так быстро?

- Граф Норда своего дал. Мощный конь. Пять лошадиных сил, не меньше. Ты чего чудишь?

- На пожаре приступ кашля был, думал кранты мне, аж наизнанку лёгкие выворачивались. Потом дрянь какая то мерзопакостная во рту появилась...

- Где? Где дрянь эта?

- Плюнул, чуть не вывернуло.

- Надо было сохранить, мне для анализа.

- Да ну нах! Я сознание потерял от ужаса, что это во мне было.

- Сознание ты потерял от кислородного голодания и угара, а дрянь вышла - хорошо. Даже отлично. Аппаратуры здесь нет, как увидишь, что осталось после ранения внутри. Похоже крупный тромб был в бронхиоле, стал мацерироваться...

- Я тебя умоляю, вот не надо подробностей, хорошо и хорошо. Действительно дышу в полную дыхалку, как раньше, до ранения. Чуть покалывает, но терпимо.

- Господин Тургезе, пациент не вставал. Отвар давала противовоспалительный с ягодным соком клюквы, тимьяном, ромашкой.

- Просто молодец, душечка Лисбет! Вот этот порошок завари и до завтра ему малый кувшин выпои. Сидеть в постели ему можно. Я пойду, в лазарет, там с ожогами люди.

- И рёбра у племянника посмотрите!

Миша ретировался, напоследок хамски подмигнув баронете. Она сделала вид, что не заметила, стала пристраивать меня в подушках. Я подчинился. Сил нет, откат адрениновый пошёл.

- Когда познакомиться с нашим лекарем успели, госпожа Лисбет?

- Я ездила учиться в Ольденбург, на курсы сестёр милосердия, неделю как окончила. Диплом получила с отличием! В баронстве нужно иметь человека с медицинским образованием.

- У Вас медицинское образование? Слова какие знаете.

- Это латынь. Сначала я на акушерку выучилась, первые курсы, сразу как открыли. Амалечку нашу с близнятами доктор спас тогда, помните? Сразу желающих женщин столько набралось! Меня к себе в Хагген на отработку послали, а к вам вроде дочку Урсулы.

Вторым заходом на сестру милосердия училась, правда красивое название? Тоже два месяца. На лекаря настоящего - фершала буду учиться, когда госпиталь при храме откроют. Долго. Два года. Буду очень полезным и нужным человеком. Как мужчины.

- Фельдшера. А мужского пола есть ученики? У доктора такая занятость, с ним поговорить толком некогда.

- В основном на фершала лекари хотят учиться, все - мужчины. Но господин Тургезе сказал: кто сдаст вступительный экзамен того и приму. Я готовлюсь. Мне список сделали с книги редчайшей «Справочник фершала». Наизусть учу, как Катехизис! Пойду заварю вам отвар.

Как хорошо дышать в полную силу: вольно, всей грудью! Подышал и заснул спокойно до вечера. Пришла, разбудила меня моя сиделка:

- Господин барон, к Вам сейчас придут.

Глава 3

Вальдемар.

Любое расследование при малейшей возможности нужно вести по горячим следам. В Хаггене следы были – горячее некуда. Ещё не развеялся смог над пепелищами сгоревших домов, как я, с разрешения запившего барона фон Штакельберг, начал допросы.

Первым делом списки недавно принятых на работу в замок слуг, не позднее года. Госпожа Лисбет быстро их предоставила. Приказала освободить дворецкому свою комнату недалеко от чёрного входа. Дала письменные принадлежности, приставила ко мне посыльного. Толковая женщина. Процесс пошёл. Мне помогали фон Дрезы. Кристоф был секретарём. Орбант – важной фигурой, для осознания ответственности, его вопросы помогали мне точнее понять эмоции крестьян.

Новеньких было восемь человек, поровну мужчин и женщин. Сканировал их под видом допроса недолго. Кроме жуликоватого конюха, что каждый день уносил со службы овёс под рубахой и менял его в местном трактире на пиво, никакого криминала не обнаружил.

Помощник лесника ушёл по заданию управляющего в лес. Кольцевать деревья, чтобы к весне почти сухие были, для стройки. Начали приходить соседи первого сгоревшего дома. Вполне может быть месть из – за претензий имущественного или личного характера. А что? Поджечь стог сена – большой убыток. Отомстили да сами погорели, бывает.

Несчастные крестьяне, грязные, закопчённые, с полным сумбуром в голове. Они не сразу понимали мои простые вопросы, и к чему я веду. С этой стороны виновных не было.

Я переключился на земельные споры. Кто чей сосед по меже? Кому земля досталась лучше? Может быть, кусок у кого при дележе больше пришёлся? Обид в этой области было много. Каждый считал участок соседа лучше своего.

Вспомнил, Линда однажды по похожему поводу сказала: курица соседа всегда кажется гусыней. Эта ветвь тоже оказалась тупиковой.

Осмотр на месте показал – был поджог, Гордей не ошибался. На заднем дворе стога стояли в ряд, их разбирали постепенно. Там снег был основательно притоптан хозяевами. Для чего были одиночные следы у нового, пока не начатого стога?

Полу обгорелая рукавица, втоптанная в снег самим владельцем, стала моим трофеем. Видимо снял рукавицы, чтобы чиркнуть огнивом, а как загорелось, засуетился. Схватил, не заметил, обронил, дал дёру. Выбежал хитрец на улицу, где натоптано. Если что, можно собачку попробовать по следу пустить. Пока свежий.

Проведу тогда допрос старых слуг. Жизненная ситуация у людей меняется. Если возникает необходимость, многие продают преданность за деньги. Старался абстрагироваться от ненужных мне мыслей, эмоций людей. Ни к чему.

У меня ещё Доротеины картинки никак из головы не уйдут. Где могла средневековая вдовица такого нахвататься? Нужно с девушкой определяться: в любовницы, в разведчицы, в жёны?

Нет, последнее не подходит. Типаж мелковат. Не интересен. Бесхарактерная, куда течёт, туда несёт. Вот Леонтина, та да... С такой не заскучаешь, но и ухо надо держать востро. Как она тогда сказала: «Не шутите со мной! Я на всё способна, если сильно заденут мои чувства!». Я почувствовал, да, способна.

- Господин хороший! У меня сын за родное баронство и графство жизнь отдал. Нешто я буду вредить? Мой дом тоже сгорел. Внуки на мне. Как быть, что делать, ума не приложу.

Пожилая служанка с поплёкшими голубыми глазами, покрасневшими от слёз и дыма с укором смотрела мне прямо в душу.

- Женщина, вот бери, бери. От души, из сочувствия. Только не говори никому, я не богат.

Она с удивлением смотрела на крупную монету, зажала в грязный, плохо отмытый от сажи кулак. Поклонилась низко, медленно, с каким - даже достоинством.

- Благодарствую, господин. Стало быть, у аристократов душа всё - таки есть. Всех поди проверил? Я последняя зашла.

- Да всех. Ничего подозрительного.

- Скотник новый - пьяница. Новый конюх овёс ворует. Новый у лесника нашего помощник мне не глянулся. Точно лес ворует, да с браконьеров деньги берёт. Новая младшая горничная прошмандовка, её подкупить ленточкой можно. В кухне овощные очистки домой таскают, положено в свинарник относить...

- Проверим, тётушка, проверим. Иди, лишнего не болтай.

Позвали на поздний обед. Трапезная рядом. Стекаются со всех мест люди. Пахнут гарью волосы, одежда. Не скоро выветрится, по войне знаю. Помыться бы как следует, но пока не до этого.

Барон Готфрид фон Зиверс убыл, не может он в таких условиях, этакий чистюля и красавчик. Линда его матерным словом из двадцать первого века определяет: метросексуал. При чём тут метро и секс непонятно, но звучит обидно.

Младшего баронета Ульриха Штакельберга тоже нет, видел, как бедолага навернулся, споткнувшись деревянной ногой, да об бревно грудью приложился.

Андреас отлёживается, плохо стало, последствия раны. Мы ещё старый клубок с покушением на него до конца не размотали. Расследование пожара я заброшу. Ну его. Не наша епархия, не нам лбом бить.

Пусть сами разбираются, делом занимаются, а то барон Штакельберг уже в бутылку полез, на трапезу не пришёл, видать набрался. Ладно хоть брат его трезвый, деловой.

Большой зал в Хаггене намного просторнее нашего, выглядит солидно. У нас стены каменные, белёные, кое - где висят гобелены. Здесь панели деревянные, с красивой ажурной резьбой по верху. Гобелены огромные, закрывают все простенки.

Не с постными лицами святых, а с весёлыми жанровыми сценками из жизни аристократов, а внизу, где глаз достаёт, видны поясняющие подписи. Вот, к примеру, нарядно одетый мужчина, похожий на Отелло, в светлом зале замка волочит за волосы орущую женщину.

Мораль тоже вышита: муж учит жену, да убоится жена мужа своего. Пока все рассаживались за столы, подходили едва отмытые воины, я продолжил экскурсию, рассматривая поистине бесценные произведения рукодельного искусства.

Вот приятной наружности дамы, модно одетые, собираются заняться чтением. И не скажешь, что недавно одну из них муж «учил». Судя по выражению лиц, они все тут учёные. Подпись гласит о пользе богоугодного чтения для души.

А на этом полотне некая, судя по костюму, коронованная леди, трапезничает в окружении приближённых. Детально. Богато. Надпись не дочитал. Меня отвлекли запахи пищи, слуги уже разносили блюда, как вдруг послышались голоса:

- А где Гордей то?

- Мы думали с вами...

- И мы тако ж думали.

- Отмывается небось, он же чертяка везде носился, по всему пожарищу!

- А кто последний раз его видел? Задал я традиционный вопрос.

Оказалось, что с момента наибольшего распространения огня никто его не видел.

- К барону наверно на доклад ушёл, точно! Барон то болезный лежит.

Вмешалась служанка, та самая, что была у меня последней:

-Господин, там с ним баронета Лисбет. Больше никого. Я только оттуда. Отвар отнесла ему.

Зашла ещё одна партия людей, что разгребали завалы в дальнем конце деревни, Гвардейцы герцогские. Их Хессел оставил в помощь. Вольфа только забрал и поскакал к своеобразной жёнушке своей, боится ненадолго даже оставить. Видать не успел «научить» как вести себя в отсутствии мужа.

Мужики расселись. Стало понятно, с ними Гордея тоже нет. Обход замка результата не дал. Дворецкий божился, что воины вот только зашли, умылись – и в трапезную, ранее из них никто не входил.

Десятка Гордея сгрудилась в тревожную кучку. Я побежал по лестницам и переходам к Андреасу. Чуть не сбил с ног опять ту же старушку, что она всё время под ногами путается? Докладчица, точно. Когда зашёл к барону Андреасу, он уже одевался. Сиделка вышла.

- Какие версии будут, дядя? Любые, невероятные, ну???

- Похитили. Там Ад был, не увидели.

- Кому он нафиг нужен? Вальдемар, ты чего?

- Ты сказал – любые. Герцогу, к примеру, нужен. Выкуп обратно стрясти. Он же быстро ускакал, есть даже не стали.

Мы вышли из комнаты, снова чуть не наступил на этот божий одуванчик. Двинулись на первый этаж.

- А более вероятная версия?

- Ты сам знаешь. Сказать боишься.

- Чёрт, чёрт, чёрт, чёрт!!! Растудыт, япона Богу душу мать!

- Не богохульствуй. Может, обойдётся. Приказывай. Видишь, ждут.

- В деревню, продолжить разбор завалов, пока светло. То, что уже разобрано пересмотреть вновь.

Нашли к вечеру сгоревшего ребёнка и такого же мужчину. В разных домах. Перед домом, где нашли мужчину, под углями нашли сброшенную кольчугу и бармицу Гордея Вольговича.

Нашего всеобщего любимца. Защитника. Рыцаря Амелинды. И просто, как он любил всегда представляться, - младшего боярского сына...

Глава 4

Амелинда.

К моменту, когда я достигла конца лестницы, первые спустившиеся уже начали размещаться. Муттер занялась сохранением ценностей: казны баронства, которую несли слуги, документов, сбережений наёмников и шкатулки, что захватили с собой пансионерки. Всё это она пристроила в одной из комнат подземелья. Там же сама в одиночестве расположилась, как грозный, стерегущий сокровища дракон. Тяжела ты, доля мастера финансов.

Народ разбился на группы сначала по гендерной принадлежности, потом по возрасту и интересам. Было довольно сухо и тепло, градусов пятнадцать. Словно нас ждали. Мы все хорошо одеты. Расстелили на полу захваченные одеяла и шкуры, словно на пикнике. По времени завтрак. Две наших кухарочки засуетились, не зная, к кому за распоряжениями: ко мне или Идалии. У нас военное положение. Я главнокомандующий.

Августа распорядилась сложить продукты питания на артефакт: «Не на пол же еду класть, госпожа Амелинда». Я представила, как ББ «принюхивается», определяет состав и энергетическую ценность продуктов. Улыбнулась. Насколько я поняла, пожертвование должно быть добровольным, иначе он нас объесть не сможет. На всякий случай громко подумала: «Обязательно тебе гостинец будет, уважаемый. Попозже. Барана некогда было тащить, уж что есть».

— В первую очередь раздайте приготовленную пищу, ту, что может быстро испортиться.

— Тарелок для каши нет, только ложки, госпожа.

— Им может сервиз франкский выставить? Пусть с кастрюли едят. Пироги раздайте, с рыбой долго не продержатся. Питьё вот этой кружкой всем наливать. Одинаково.

Сервиз уникальный... Серебро столовое... Часы настенные и напольные во флигеле... Стеклянная посуда, о! — банки трёхлитровые... Библиотека, Боже мой, библиотека! Сколько добра, раритетов, дефицита, знаний из будущего! Да просто редчайших вещей, каждую из которых можно продать за огромные деньги. Если на аукционе распродать всю нашу усадьбу с потрохами, то можно запросто средневековый городок построить. Моя жабка тихо квакнулась где-то на задворках сознания.

Редкостная удача выпала наглým захватчикам, пограбить по-быстрому, пока защитников нет. Захватить поместье и остаться они не смогут. Понимают, что двадцать знатных девушек и одна дочь ювелира в опасности. Вдобавок три баронессы-матери, виконтесса и герцогиня — это достаточный повод, чтобы всё графство на уши встало, на них ополчилось и стёрло в пыль. Поэтому сидеть нам в подzemелье недолго, помощь мы дождемся. Лишь бы наши все живы вернулись, чёрт с ним, с добром. Наживём.

Люди в колышущемся свете масляных светильников сидят кружками вокруг кастрюлек-котелков, ложками стучат. Спокойно переговариваются. Как будто каждое утро в подzemелье завтракают. Гибкая, приспособляемая человеческая психика: тепло, еда, горло сей момент не режут — подсознание спокойно. Но разум понимает всю опасность ситуации. Сейчас наедятся, начнутся нехорошие вопросы. Работаем на опережение.

- Всем приятного аппетита. Кушайте и слушайте. Мы находимся в самом безопасном месте замка Мюнн...

- Это курятник, а не замок! Недозамок!!! В гости приехали, называется! Никаких оборонительных сооружений, стен крепостных даже нет. Защитников мало. И те нас покинули! Как родители девиц к вам отправили? Куда смотрели? Или думают, что в цивилизованном четырнадцатом веке разбойников и войн не осталось? Я просто поражена!

- Всё, госпожа фон Зиверс? Высказались? Вы посмели меня перебить! С этой минуты я, как старшая по статусу дама, приказываю Вам — МОЛЧАТЬ!!!

Итак, продолжим. Мы находимся в самом безопасном месте замка Мюнн — тайное подземелье. Его нельзя обнаружить. Построено оно таким образом: как только в нём скрылись люди, снаружи в него невозможно войти никому. Механизм открывается только изнутри. Экономия припасы пищи и воды, мы можем продержаться до прихода помощи.

- Разрешите спросить?

- Да, Цецилия.

- А как мы узнаем, что помощь пришла, что пора выходить?

Вот не люблю слишком умных людей. Мозг им трудно запудрить. Сесиль — самая невнушаемая среди всех присутствующих, включая меня. Выкрутилась я изящно:

- Это тайна. Тайна рода Мюнних. Ещё вопросы?

- Госпожа, прощения просим, а нужду справить где можно?

Ну, мужики! Да мы только зашли. Что будет дальше? Почти пятьдесят человек... Бочонок пива... ББ, ты встрял! Да мы тут задохнёмся!

- Спасибо, Глушила, за разумный вопрос. В самом дальнем конце коридора есть яма. Там. Ходим по двое, светильник с собой. Масло где для светильников? Заправьте все, дополна.

Позавтракали, каждый протёр ложку и оставил себе. Потихоньку по двое потянулись в темноту коридора. Так, две насущные проблемы решены. Скоро стонать-стенать начнут. А день только начался. Что у нас по режиму дня?

- Падре Конрад! Молитву утреннюю в суматохе пропустили. Нехорошо. Живы, в безопасности. Надо возблагодарить Господа. В пастырском слове очень нуждаемся. Нам бы проповедь душевную после молитвы.

- Истинно, дочь моя, истинно! Молитва благодарственная, исходит от святого Ричарда Чичестерского:

- Благодарю Тебя, мой Господь Иисус Христос, за все блага, которые Ты дал мне ради меня, о всемилостивый друг, искупитель и брат. Позволь мне видеть Тебя более ясно, любить Тебя более нежно и следовать за Тобой более близко...

Замечательно, люди важным делом надолго заняты. Мне бы с местным Боссом потолковать. Сложно говорить молча, вот поэтому мысли тараканами назвали — разбегаются непредсказуемо, с разной скоростью, да ещё в разные стороны. Так! Собралась. Сосредоточилась. Сконцентрировалась.

- Приветствую, глубокоуважаемый ББ! Благодарю от лица всех присутствующих за укрытие.

Долгая тишина.

- Ты здесь? Ау! Алё!!!

- И здесь тоже. Зачастила. Массу народа привела.

- Извини, сам пригласил. Ты думал, я только свою шкуру буду спасать?

- Зная тебя — нет, не думал.

- Много ты знаешь. Я сама себя толком не знаю.

Иронии ББ не понял:

- Да я знаю много информации, пользуйся.

Ишь ты, подишь ты, да что ж ты говоришь-то! Воспользуемся, непременно:

- Что с нами будет?

- Будущее не определено. Выборы не сделаны. Матрица не существует.

- Значит, я больше тебя знаю о будущем. Скоро мы задохнёмся от вони продуктов выделения разумных существ.

- Не угадала. Я расщеплю до воды, минералов и углекислого газа.

- Вот спасибо! — вырвалось у меня вслух.

Мне ответил сочным баритоном падре:

- Во славу Господа, герцогиня! Жизненный путь святых великомучеников всегда пример самоотречения и стойкости...

Его надолго хватит. Замечательно. Продолжим:

- Какие выборы не сделаны, о чём ты?

- Информую. По моим подсчётам, среднестатистический человек в течение среднестатистической жизни делает примерно в среднем четыреста пятьдесят миллиардов выборов. Выборов тела, мыслей, слов, движений, действий. Главных, значительных, повседневных, мелких, сознательных, неосознанных.

- Итить-колотить... Тихий ужас!

- Если умножить эту цифру на число проживающих на моей планете разумных, не включая меня, то получится число вероятностных вариантов будущего.

- Кабздец!

- Ты как выражаешься, Линда! — получила выговор от Голоса Разума. Пристроился, ушки греет.

- В смысле — потрясающий результат! И прямо каждый человек, каждый выбор влияет? И осознанный и подсознательный?

- Смысл слова «выбор» прост: возьми из предложенного Вселенной. Сознание не продукт мозга, а фундаментальный уровень природы. Её изначальное свойство. Вселенная — это проявление единого сознательного поля.

- Всегда об этом догадывалась! Информационное поле Земли — какое-то слишком куцее определение. А само время? Пространство? Мотаюсь по ним туда-сюда, ничего не понимаю.

- Сознание — вот первичное поле. Пространство, время и материя не являются исходными первоначальными элементами, а возникают как производные состояния этого поля.

- То есть сначала сознание, а потом материальное существование: в теле, во времени и в пространстве. Нас и наших родителей, дедушек, бабушек учили: сознание — продукт развития материи. Всё оказалось ровно наоборот.

- Да. Индивидуальное сознание существа — это локальный фрагмент единой системы. Явления, которые людям сегодня кажутся необъяснимыми, например, телепатия или переживания на грани смерти, воспоминание детей о прошлой жизни, внезапное овладение незнакомым древним языком — вписываются в рамки этого сознательного поля Вселенной.

- Таких явлений гораздо больше, чем знает непосвящённые люди. Специалисты их изучают давно, но выводы сделать не могут.

- У человечества давно господствует материальная модель реальности. Грядут перемены. От привычной материальной модели к иной картине, где сознание становится причиной реальности.

- Точно. Подобные глобальные переосмысления уже случались в истории науки, когда менялось представление об устройстве мира, структуре космоса или представление о движении планет.

- В двадцать первом веке уже есть несколько учёных, чья концепция объединяет квантовую механику и недуальную философию. Им осталось описать такие явления на языке физики и математических формул. Провести эксперименты и доказать свою теорию.

- Только и всего... А когда из ничего — из мечты, постепенно возникает что-то, это разве не доказательство? Простое, логичное, понятное.

- Доказательство. Вследствие чего мечтать надо крайне грамотно, конкретно, точно. Только для себя лично.

- Я всегда мечтала пользу всем приносить, помогать.

- Помогла всем, кому могла. Попользовались. Посмотрим, какие выборы будет делать твой четвёртый пользователь.

- Ты... жестокий!

- Я никакой. О жестокости — в другой раз поговорим. Проповедь святого отца окончена. На тебя уже пять минут все смотрят.

Во время беседы я закрыла глаза, проговаривала слова беззвучно, чтобы мысли были точнее донесены. Надеюсь, это было похоже на горячую молитву.

- Надеюсь, Господь услышит наши молитвы. Госпожа начальница, что у нас троих сегодня по расписанию?

- Физкультура: йога, бумбимдинг. Дизайн интерьера «Мужская берлога». Передовые методы наказания и поощрения служащих.

- Первая группа ко мне, вторая к госпоже баронессе Идалии, третья к госпоже начальнице. Потом меняемся. Сегодня в каждой группе всего три занятия.

Мужчины, включая падре, вам тоже задание. Старший — каптёр Глушила. Обсуждаем хозяйственные вопросы, меняемся опытом, планируем. Советуемся по поводу благоустройства и коммунального хозяйства будущего города. Не толкитесь в коридоре, комнату займите. И не ржать громко!

- Слушаюсь, Ваша Светлость. Мужики, в комнату — шагом марш!

- Кухня, готовим нарезки к обеду, бутерброды, всё, что за завтраком не съели, тоже. Приступайте.

Работники ножа и поварёшки потопали в комнату с артефактом, временно определённую под кухню.

- А нам что делать? - горничные гостей и наши тоже с ехидством уставились на меня. Типа, найди нам занятие, когда делать абсолютно нечего.

Была бы тут вода, веники, мыло и тряпки с ведрами, вы бы у меня генеральную уборку сделали!

- Заявка выполнена. В первой комнате. Бочка воды, веники, ведра, тряпки, мыло. Грязную воду в ямку в конце коридора!

- Эксплуататор. Спасибо. Можно света от светильников немного больше? Спасибо.

- Девушки, у вас старшая Ева. Начинаем уборку с лестницы, сверху вниз. Светильники в ниши поставить. Копоть отмыть. Потом коридор до конца. Потом пустые комнаты. Инвентарь в первой комнате.

- О-о-о! Госпожа герцогиня, тут работы!

- Кто вас за язык дёргал? Слово серебро, молчание золото! Вы сделали свой выбор. Илма, за ТБ И ТК ты в ответе: перерывы на отдых, на туалет, перекус. Вперёд, красавицы!

Осталась небольшая группа. Доротея, к которой липли две девчонки, Кларисса и мелкая прыщавенькая Ирмагерда фон Зиверс. Её абсолютно молчаливая бабуля, которая время от времени порывалась высказаться, но не могла. И моя драгоценная Амалька, на которую молитва и проповедь подействовали позитивно - успокоительно. Она была под крылышком свекровки, точнее сидела рядом и была укрыта её большой шалью.

- Вам, дорогие гости предложу прислушаться к тому, о чём речь на занятии баронессы Идалии и баронессы Эммы, посидите с группами, позанимайтесь. Знание - сила! Кому будет неинтересно, беседуйте друг с другом. Горничными командовать не надо. Старшую я назначила. У меня занятия. Я пошла. Желаю всем полезно провести время.

В конце концов я их развлекать не занималась, только спасти. Ожидаемо старушки пошли к муттер. Молодёжь ко мне, Амалия заинтересовалась перспективой оформить кабинет в замке в стиле мужской берлоги.

По причине малой площади класса, я все три занятия посвятила азам йоги и вумбилдинга. Зашло! Дышали, тянулись, напрягались, пластались на ковриках. Включу в факультативную программу. Гипноз животворящий поможет запомнить целый курс за пять занятий.

Время от времени в соседней комнате слышался мужской громкий говор и смех. Это как то не мешало. Уроки окончены. Свободное время, типа большой перемены.

Мы с Эммой проверили работу по уборке помещения. Темновато, пришлось проводить по поверхностям руками. Эмма нашла огрехи, заставила доработать. Идалию ученицы не отпускали, у них как всегда к ней было много вопросов по другим темам. Когда уже начнём шить платья на выпускной? Трудные ли будут рецепты на экзамене?

Они вообще помнят, где находятся? Что происходит? ББ постарался? Просто привычное течение событий в непривычной обстановке действовало успокаивающе? Может йога повлияла? Не понятно, но позитивно.

Подошло время обеда. Всем было предложено помыть руки. Полили друг другу. Чинно расселись по своим подстилкам. Снова помолились. Девочки отлипли от своих патронесс и влились в кружок пансионеров. Я подошла к баронессам-бабушкам. Молодая Эмма, скажем так, с умудрённой жизненным опытом душой, тоже присоединилась к ним.

- Госпожи баронессы, надеюсь, вам есть о чём побеседовать, такие многоопытные хозяйки, как вам урок по обращению с прислугой?

- Весьма интересно, методы действительно передовые, я опробую, - откликнулась све-кровка подруги.

- А Вы что молчите? Нам интересно мнение ветеранов управления настоящими замками, а не такими курятниками, как Мюнн.

- Прошу прощения, Ваша Светлость. Я была невежлива. Ситуация вывела меня из себя. Я потеряла контроль, что недостойно благородной дамы. И... почему-то не могла говорить.

- Это от потрясения. Нервы. Прощаю Вас. Очень милая девочка, ваша внучка, смотрите, как сдружились с виконтессой.

- Моё утешение. Старшая-то у нас... замуж далеко вышла. Сноха родами померла, я младшую сама вырастила. Сынок мой двенадцать лет как вдовец. Я к девицам приглядываюсь, хороши, безусловно, но моему бы посерьёзнее кого, постарше, но чтоб родить могла. Вдовушку можно, у Вас их несколько.

- Им по семнадцать-восемнадцать лет. Но я подумаю, подумаю.

- О наследнике, опять же, мечтает. Мой Готфри трёх сыновей детьми потерял, трёх! Ему сорок лет скоро будет, Ваша Светлость, Вы как сваха, может, посоветуете. Я старею. Внучка упорхнёт из гнезда. Зиверу хозяйка нужна.

Приятная, актуальная тема поможет сгладить впечатления от вынужденного молчания. Ну я даю! Одним словом теперь могу управлять ЦНС. Скорее всего, присутствие близко, рядом Большого Босса усиливает мои способности.

В корзинах принесли обеденный перекус, кувшин воды, одна кружка на пять человек. Мужчинам мало будет, ладно, не наедаться сюда пришли. Пусть пьют пиво. Калорийно. Весело. Стресс снимается.

Мне уже этого удовольствия реально не надо. Главное в трезвом образе жизни, чтобы при возможности выпить не было потребности. Сколько я уже не пью спиртного? Да какая разница, если теперь никогда.

Мне удалось уменьшить змеёныша до минимума и на хвост наступить. Рабочие навыки играют первую роль, отличный обмен веществ — бонус от ББ, вторую. Потому что навыки мои — работа первичного сознания, а обмен веществ — биохимия, то бишь вторичная материя, итить её колотить! Тяжёлый предмет биохимия. На тройку еле сдала.

— Глушила!

— Я!

- В караул!

- Есть!

- Да сядь ты, просто не спи, понятно?

- Так точно! Понятно!

- Всем остальным, вместо свободного времени по расписанию, сейчас тихий час. Вздремнём, послеобеденный сон полезен для нервов.

Возможно, за это время что-то изменится. Будем надеяться на лучшее. Дружный храп, уютное сопение с присвистом раздались почти сразу. Мне стало немного страшно. Я что, Брюс всемогущий? Втиснулась со своим одеяльцем между Доротеей и Клариссой, подгребла мою сонную прелесть к себе поближе и вырубилась.

Глава 5.

Готфрид фон Зиверс.

Так получилось, на пожаре мы работали с герцогом и его наследником бок о бок. Отдавали команды воинам и крестьянам, сами лезли в пекло, тушили другую одежду, вместе перемещались от одного пожарища к другому. Потом он отдал приказ сыну организовать вывоз детей в замок, чтобы не поморозились.

Он словно бессмертный, этот рыцарь. Огня страшится любой храбрец. Хессел Мартина, герцог Фризии, был либо пироманом, либо берсерком. Наши доспехи с поддоспешниками сдерживали жар до поры до времени, потом они раскалились, стало жарко, как в аду, но ему всё было нипочём. Крупные капли пота стекали по лицу, смешиваясь с сажей, губы потрескались, белки ярких глаз и зубы сверкали на этой чёрной маске.

Иногда он, кидаясь прямо в огонь с багром, смеялся. Страшен был его безумный хохот. Он словно упивался, наслаждался с азартом происходящим. Но мне совершенно не нравилось в этом участвовать. Пачкаться в грязи и саже. Одно дело битва, хотя там тоже крови и вони хватает, но есть слава. Совсем другое – спасать чернь с их жалкими грязными пожитками.

Я наверняка выглядел не лучше герцога. Да просто ужасно! Мои длинные тёмные кудри, что всегда выпускаю из-под шлема, обгорели напрочь, лицо съёжилось от жара. Брови с ресницами опалились. Теперь буду похож на палёного чёрного кота, чудом удравшего с костра инквизиции.

Эта картинка с детства врезалась мне в память: палач кидает в костёр к ведьме её кота. Он немислимым образом взлетает над столбом пламени, несётся с воплями сквозь испуганную, моментально расступившуюся толпу. Я тогда пожалел несчастное животное. Детское сердце сострадательно, а разум глуп.

Меня сегодня пожалела прислуживающая при купальне замка Хагген молодая сильная служанка. Отмыла, оттерла как следует, не жалея кастильского мыла. Постригла обгоревшие волосы. Сделала лекарство для кожи: оливковое масло с мёдом намешала, нанесла на лицо, шею, руки. Пока я сидел и обсыхал в тепле, она принесла моё уже стирание бельё, поскольку я отказался от чужого, развесила у жаркой печи.

Следом зашёл герцог, залез во вторую лохань. Девушка так же добросовестно отмыла и его. Намазала остатками моей маски. Сказала, что мышцы сильно напряжены. Ему перепал массаж шеи и спины. Шрамов воинских много. Обычно правитель только управляет войском. Это явно не про него. Я просох, стал одеваться. Служанка с одобрением оглядела результаты своего труда, задержала взгляд на моей филейной части.

- Господин желает ещё какие-либо услуги? - кокетливо подёрнув выдающиеся сиськи, спросила сия потная фея мочалки.

У женщин всех сословий успех имею, что да, то да! Но не всегда им пользуюсь. Представил легион ею обслуженных, вздрогнул от отвращения, отказался, но поблагодарил щедро. Мыльницей служанка была знатной. Не то что мой камердинер, тряпочкой помажет и всё.

Всегда сам оттираюсь, люблю до скрипа навести чистоту кожи, а потом маслом ароматным смазать. Не понимаю, как люди грязными месяц могут ходить? И это аристократы? Как можно жить в грязи и беспорядке? У меня горничные день и ночь по замку носятся, блеск наводят. В Хаггене тоже более-менее чистенько. Не так как у меня, но всё же. Экономка своё дело знает.

Нам с герцогом покои госпожа Лисбет выделила рядом. Помню её совсем молодой девушкой, приятной внешности, вывозили в свет три сезона, но замуж отчего то не взяли. Тогда я

не интересовался. Был женат. Сейчас после более близкого знакомства понял: умна слишком для женщины, и даже не умеет, либо не желает этого скрывать.

Мне она не подходит. Возраст критический, под тридцать а Зиверу наследник нужен. Одна дочь исторгнута из семьи. Мы все делаем вид, что её нет, забыли. Вторая, в тринадцать лет, спит и думает, как бы быстрее уйти из под бабкиной опеки. Тяжелый у матушки характер. Рука тоже.

- Барон, я тороплюсь обратно. Трапезничать не буду. Тревожно мне. Никого из защитников в Мюнне не осталось, одни женщины и слуги, да служака - инвалид. Сейчас быстро одеваюсь, беру Вольфа, сына, еду.

- Я с Вами, Ваша Светлость. Тут от нас пользы уже никакой, только хозяев стесняем. Мы с матерью и дочерью, честно говоря, приехали с Вами познакомиться, а не спонтанно пожары тушить. Моё баронство Зивер не в союзе. Хотя, после случившегося, я об этом подумаю.

- Дело хорошее, барон. Сегодня Вы помогли, завтра - Вам. Я лично думаю, не тянуть с объединением наших государств. Зачем ждать, когда дети вырастут, поженятся? До этой поры мы с графом можем много потрудиться вместе и оставить потомкам доброе наследство. Не то не ровен час, проглотят франки мою вольнолюбивую, но крошечную Фрисландию. Заставят людей по франкски говорить, их платье носить, жить по их законам. Голландские бароны тоже совсем обнаглели. Исчезнет, не дай Бог мой народ.

- Господин герцог, Вы верно подметили - языки у нас схожи, мы неплохо понимаем друг друга. Значит народы наши - родственные. От одного корня произошли. Пора снова быть вместе. Мы, бароны с отдалённых провинций, и то за союз; наши пограничные баронства - тем более. Торг беспешинный всем выгоден. Особенно в такие холодные, неурожайные годы.

Вот и дошли до своих комнат.

- Ну всё, собираемся, спускаемся, у конюшни встретимся.

Вечерело, когда мы с герцогом и сопровождающими нас лицами влетели во двор Мюнна на взмысленных скакунах. Мы снова гнали как на пожар, только теперь в обратном направлении. Тяжёлые предчувствия томили меня. Я редко ошибаюсь. Не ошибся и в этот раз.

Мы группой обскакали здание замка, внешний и внутренний двор. Трупы, трупы, трупы... Неэстетично валяются кучками. Некоторые лежат рядком. Уже обмародёранные. Кто это такие? Где живые? Где мои ...Где жители и гости замка Мюнн? Герцог взревел раненным медведем, кинулся в дом, я поспешил следом. Что здесь делают воины моей дружины? Мечущиеся с факелами по дому?

- Стоять, герцог! Стоять! Это мои люди!

- Всех, всех !!! К чёрту! К дьволу! На куски! Ты враг мне??? Это подстава! Не приближайтесь! Прочь, прочь от сына!!! Предательство! Он обнажил меч, со свистом воздуха очерчивал круги и вид его был - безумный.

- На колени! - громогласно воскликнул я. - Не приближаться! Не провоцировать! Перед вами герцог фризский, союзник нашего графства. Он не понял ситуацию. Я - тоже. Доложить!

Хвала Богу, дошло до всех сразу. Дружина опустила на колени. Вперёд вышел огромный как гора, весь седой Брунер, капитан моей дружины. Он обращался не ко мне, к герцогу.

- Ваша Светлость, докладываю: под конец ночи увидели зарево над Хаггеном, немного погодя, перед рассветом, - сигнальный огонь на башне Мюнна. Мы не в союзе баронств, но наш барон выехал с семьёй в Мюнн. Поэтому принял решение сюда выдвигаться.

- Всё верно сделал, - тяжело и бурно дыша одобрил Хессел. Он согнулся и упёрся руками в колени, словно силы оставляли его. Гнев берёт много сил. Герцог тяжело прошёл, сел на лавку. Сын и оруженосец стали снимать с него чёрные от сажи доспехи. Брунер продолжил:

- Обнаружили грабёж поместья большой шайкой разбойников. Мы появились в самый разгар разграбления. Станным показалось отсутствие защиты и вообще - любых других жителей поместья. Отдал приказ на полное уничтожение противника. Они как крысы по всем

углам попрятались, полдня выискивали, добивали. Сражаться почти не умеют. Сброд. Двух для допроса оставили.

- Сколько их всего было? С Хессела сняли поддоспешник, он глубоко вздохнул, видно отпустило.

- Не считали пока. Ищем баронессу и баронету фон Зивер. Ищем всех. Никого. Как кверху унесло. Пленные говорят: никого и не было. Дом был закрыт изнутри, взломали, искали - пусто. Тогда они принялись добро паковать, складывать, чтобы по быстрому уйти.

Это по сговору с ними стоги сена подожгли в Хаггене. Они от кого то знали о союзе баронств и принятых сигналах. Издалека ведь не различить, что именно вспыхнуло. Расчёт был, что мюннские наёмники и все мужчины на подмогу уйдут, только не рассчитывали, что вообще все исчезнут. Допросить нужно их как следует, мы второпях пытали, без пристрастия.

- Какие у нас потери, Брунер? Убитые, раненые?

- Двое легкораненых, господин барон. Это не противник, недоразумение какое то. Откуда только взялись? Однако, если бы слуги, женщины, дети не скрылись - быть большой беде. Такие трусы только со слабыми воюют.

С меня тоже сняли доспех. Наконец то! Этот старый продам, закажу новый.

- Так. Ладно. Добро замковое не трогать. Мы соседям помогаем. Это не трофеи, всем объясни. Мародёрыте трупы дальше. Тебя вознагражу отдельно. Дерьмо дохлое в кучу собрать, за задними воротами. Кровь в помещениях замыть. Приступайте.

Брунер ушёл заниматься делом. Мы - искать свои семьи.

- Герцог, замок у них неказистый, но очень старый. Уверен, есть потайные ходы, ушли они. Успели.

- Барон! Куда!? Ну куда тут уйти? - в голосе Хессела слышалось отчаяние. - Ни лесочка, ни овражка, местность как стол ровная, да кустики.

- Может за холмы? На холмы? Там есть редколесье.

- Кто такой протяжённости ход будет рыть? Если только в деревню? Нет, она ещё дальше. Я там был. Почему я не спросил у жены, как они спасаются, если нападут? Ну почему? Почему? Почему!!!

Хессел бил кулаком по столу, с каждым "почему", узел из скатерти с каким то барахлом, позвякивал.

- А если просто сидят в тайном подземелье или комнате?

- Я по камушку разберу эту богадельню! Устроили пансион для девиц в незащищённом месте! Приходите и творите что хотите! Нет, у графа то как ума хватило разрешить? Как? Господи, господа, храни жену мою и девочку, я с ума сойду!!!

- Отец, хватит причитать! У меня план: делимся на группы по двое и обходим все помещения. Кричим: выходите, безопасно! По имени зовём.

- Если не отзовутся? Его Светлость тёр красное лицо ладонями так крепко, словно хотел его снять.

- Тогда ждём фон Мюнниха, завтра придут. Ну что ты разнылся, как девчонка? Мачеха ушлая тётка, сама на пропадёт и всех спасёт, успокойся, мне уже стыдно. Ну чего ты? То рычишь, то плачешь.

Весьма благоразумный отрок, наследник у герцога. Как пристыдил расклеившегося отца. У меня нет сына. Двоих новорожденными схоронил. Ещё одного в три года. Потому вдовою двенадцать лет. Устал детей хоронить.

Я последний в роду Зиверс мужчина. Баронство отойдёт зятю. Не этому простолюдину, за которого я блудливую дочь выдал, а будущему мужу младшей. Где она? Моя последняя надежда? Я сейчас как Хессел, причитать начну. Нет, он собрался, распоряжается:

- Идём со мной, Харальд. Вольф - ты с бароном. Начнём с подвала. Стучим. Кричим. Зовём. Кочергой лучше. Железяки стук и через камень слышно.

Наорались до хрипа, настучались до трясучки в руках. Пусто. Выбрались из подвала, захватив кое чего воинам к ужину. Пришёл ко мне с докладом Брунер. Трупы со двора вынесли. Пожива была. С чего то в кошельках и поясах оборванцев нашлось приличное количество серебра. Неплохое оружие. Двадцать семь коней. Двадцать пять трупов.

Люди тощие, худые, в рванине, видно не от хорошей жизни. Когда такое бывает? Правильно, когда нищему сброду уплачивают хороший аванс и нанимают. Видно никого получше не нашлось. Кто? Ну пусть сами Мюннихи до истины докапываются. Мне бы своих найти, в охапку и домой.

Пошли стучать, орать по первому этажу. Искали тайный вход, нажимали на всё подряд. Бесплезно. А если не успели? Если их...и во рву спрятали. Да нет, нет в этой богадельне рва. На балкон, потом на башню. С высоты гляну. Я этих двоих пленников сейчас наизнанку через задницу выверну!!!

- Папа! Папулечка!!!

Я замер, не веря своему счастью.

Здрав кверху симпатичное прыщавое личико радостно кричит моя дочка со двора, из двери чёрного хода выходят ещё женщины. Среди них вижу мою дражайшую матушку. Она дёрнула Герду к себе и раздражённо ей выговаривала. Вероятно о том, что благородные девицы не орут как оглашенные, даже от радости.

Да сколько же народу пряталось? У них там под замком катакомбы древнеримские? Невежливо расталкивая дам и девиц в дверях, выскакивает герцог. Хватает в охапку девчонку и немелкую такую свою жену и кружит их, выплёскивая в хохоте всю свою тревогу.

Не меньше пяти десятков человек с упоением вдыхают свежий воздух. Обошлось.

* * * * *

Уважаемый читатель! Если Вам действительно понравилась книга, то попрошу немного Вашего труда, нажать на кнопочку " Мне нравится " в компе или звезду в кружке на телефоне. Это повышает рейтинг и производительность автора! С радостью жду новых подписчиков!

Глава 6.

Вальдемар.

С горестного момента, как я осознал смерть нашего Гордея, у меня появился личный мотив в расследовании причины пожара.

Десятка наёмников, Север, Виктор, барон, гвардейцы герцога – мы собрались в скорбном молчании у саней. В них уложили сгоревшее, обугленное тело, накрыли чистым полотном, смотреть на это было невозможно, хотя за моё недолгое пребывание на войне я повидал всякое. На виду оставили только бронь.

Молчали долго. Пошёл тихий снег. Собрались вокруг слуги, подошли погорельцы. Пришёл едва держащийся на ногах пьяный барон Штакельберг, его привёл младший брат. Прихрамал с помощью Лисбет баронет. Герцога с наследником и барона Зиверса не было, убили до того, как поднялась тревога, по поводу пропажи Гордея.

Нужно было слово. Андреас его сказал, хорошо сказал, как надо:

- Мы воздадим в Мюнне все воинские почести бояричу Гордею Вольговичу. Он будет отпет по византийскому обряду, и похоронен на родине, по обычаю своей страны. Его родичам будет куда прийти на могилу. Они будут знать, в какой день справлять поминальную тризну.

Русские воины одобрительно покивали обнажёнными, седыми от снега головами.

- Он был – знатный русич. Он заживо сгорел в огне за германских детей. Помните, чужих детей не бывает. Чужого горя не бывает. Так учит Господь. Возлюби ближнего своего, как самого себя... Если будем помнить Его заветы, жить в дружбе с другими народами, помогать в трудные времена друг другу, то переживём и чуму и голод и холод. Спасибо тебе, Гордей Вольгович, брат наш, за человеческий подвиг. Земной тебе поклон.

Все низко поклонились.

Тут завывала какая то молодая баба, она кидалась к саням, стучала себя в грудь, драла на себе волосы. Другие женщины из простонародья глядя на неё, тоже стали оплакивать покойного. Пришло время плакальщиц. Обычно тело омывали, обряжали под плач, но сейчас это невозможно сделать. Поэтому просто оплакивали. Слова плача женщин были горькие, благодарные, очищающие. Люди слушали.

Я спросил:

- Госпожа Лисбет, кто эта странная плакальщица? Она... слишком не воздержана.

В этот момент бабу оттащили от саней, она порывалась снять покров.

- Не обращайтесь внимание, барон. Юродивая, дуручка. Несчастный случай в детстве. Но каждый год неизвестно от кого рождает по крепкому, здоровому, умному ребёнку. Детей смотрит. Хозяйство ведёт. Мы помогаем. Это в её доме нашли тело вашего десятника. Она скорбит по спасителю своих детей.

Здесь почти всё население замка, деревенские жители тоже. Начну расследование прямо сейчас. Улика при мне. Пошёл по кругу, ничего не говоря. Поднял высоко слегка обгоревшую рукавицу с места преступления, внимательно прислушивался к мыслям:

- Что это он?

- Чья рукавица? Зачем носит напоказ? Ба, да это же бывший мюннский дурачок!

- Видать хозяина ищет. Дурак. Не совсем видать исцелился. Кому нужна горелая вещь?

- Может улика? Без толку, не поможет, у всех похоже. У меня такие же.

Да, без толку, пусто. Только наслушался про себя.

С задних рядов протолкнулся мрачный ободранный мужик, весь вонючий. Цикнул через дырку в коричневых зубах мне почти под ноги жёлтую слюну. Урыл бы в миг, да мысли наши совпадают.

- Господин, я псарь. Гончие вязкие есть. Чутьистые. След стынет. Пора!

Сначала мы мотались по задворкам деревни, вдоль сгоревших снопов, от первого до третьего. Один поджечь ему мало было. Псарь держал свору из трёх псин в связке, они почти волокли его, так велико было нетерпение догнать добычу по следу. Я нёсся следом хромая и задыхаясь.

- Они и на людей натасканы?

- Без разницы. Запах. След. Взять. Награда.

Потом след повёл к замку, но в обход. Вот бежал, вот упал. У стены, откуда не видно деревни. Вовнутрь не заходил. Топтался у задней калитки. Потом след повёл снова к деревне, смешался с множеством других следов. Поджигатель вместе с толпой бежал на пожар. Здесь собаки стали крутиться, скулить. Сильный запах гари не давал им сосредоточиться, перебивал источник.

Псарь оказался опытным охотником. Он просто заставил собак снова обходить вокруг деревни, но уже на большом расстоянии. След всплыл на утопанной дорожке, по которой ходили в замок. В этот раз преступник открыто вошёл в здание и отправился напрямик в кухню.

Плохо. Очень плохо. Это самое посещаемое место в замке. Пока допросишь, кто, зачем входил, выходил, он уйдёт далеко. Визг и возмущённые возгласы кухарок на собак. Собаки отвлеклись на запах пищи. Времени и так прошло немало. Я сказал об этом псарю. Он снова решил применить метод обхода здания. Я взмолился:

- Давай на коней сядем. Сдохнем раньше, чем догоним. Я не гончая!

Кони ещё не успели прийти в себя от испуга. К тому же были рассёдланы и их обихаживали конюхи. Однако конюшня в Хаггене была богатая, седлали других, не уставших. Осиротевшие гордеевцы решили к нам присоединиться. Услышали герцогские гвардейцы и стража Хаггена. Тоже стали по быстрому седлать.

Коннетабль замка убедил меня в необходимости такой большой погони:

- Откуда вы знаете, барон, куда приведёт след? Может в самое разбойничье гнездо?

Гончие, обрадованные прибавкой в скорости надали ходу, азартно взлаивая и повизгивая. Мы понеслись от замка к лесу. Но на окраине леса этот нелюдь пересел на коня. По вытопанному пятачку было ясно, конь был подготовлен заранее, долго ждал седока.

Одиночные следы копыт и груди коня были чётко выбиты на снегу. Псарь велел отстать всем корпусов на десять, чтобы гнать по видимому. Лошади и так отставали, рыхлый, глубокий снег сильная помеха скорости. Но гончим псам это не мешало. Они неслись высокими прыжками, сжимая тела в пружины. Я боялся, что поводки лопнут. Поле закончилось. Началась накатанная дорога на Ольденбург. Там он хочет затеряться.

Средневековые дороги не автотрассы. Транспорт редкость. Свежевыпавший снег был нам в помощь. Никто не успел проехать по следам одинокого всадника. Уже порядком стемнело. Многие, но не я, догадались заранее взять дорожные факелы. Зажгли.

Собаки заходились залиvistым лаем и скулили от нетерпения. Кони храпели. Не слышно было цокота копыт. Молча, стиснув зубы, неслись участники призрачной охоты, вытянувшись длинной светящейся змеей над дорогой. Далеко впереди показался всадник в развевающемся плаще. Чувство злорадного нетерпения овладело мной. Я стал как те собаки, только что не визжал.

Погоня вышла на финишную прямую. Псарь не стал спускать собак. Конь может отбиться их повредить. Нас обогнали.

Вглядываясь при свете трепещущего факела в лицо пойманного, уже связанного мужчины, понял, что оно мне знакомо. Я раньше видел этот широкий нос, припухшие глаза с тяжёлыми веками, массивный щетинистый подбородок, короткие тёмные волосы. Где? Не могу вспомнить. Выясню на допросе. Сейчас вокруг слишком много мыслей, сильных эмоций. Отключаю, иначе голова разболится.

Прямой дорогой, без петляний, вернулись назад быстро. Замок не спал. Ждали все. Высыпали наружу. Окружили лежащего поперёк седла пленника.

- Ну вот! Я же говорила: не глянулся он мне! Старая служанка, что второй день всё время попадалась у меня на пути, тыкала в преступника пальцем. Прямо в лоб, пальцем.

Пойманный поджигатель оказался тем самым помощником лесника, осенью принятым на работу.

Ночь была длинной, бессонной для меня, коннетабля, и младшего барона Штакльберга, который в отличие от старшего брата, не был пьяницей. Мне пришлось здорово попотеть мозгами, думать и задавать правильные вопросы. Они касались только преступления с поджогом, но будили также воспоминания о других. О них я не спрашивал, просто узнавал напрямую.

Ход расследования и допроса должен быть естественным, без подозрений по поводу моей излишней осведомлённости. Пойманный с поличным, лесничий не видел смысла упираться. Пошёл на сделку со следствием: честные ответы в обмен на быструю смерть. По итогу я узнал много нужного и ненужного. Но только до определённого времени.

Все воспоминания, мысли и чувства пленника начинались где то в пути, похоже откуда то с юга Европы в Германию. Имя его было Джерт. Это он твёрдо знал. Свою настоящую фамилию, как и сословие, он не помнил. Пытаясь проникнуть в воспоминания его жизни глубже по времени, я наткался на абсолютную пустоту, черноту, безвременье. Единственное чувство, он - был. Кем, где, когда...Видимо амнезия по какой то причине. Здесь получить по башке дубиной вероятность есть огромная, что в лесу, что в трактире, на дороге, либо на ночной улице.

Представлялся Джертом, по прозвищу Игнац. Скитался по городам, деревням, подрабатывал, чем мог. Пока не занесло его в баронство Зивер на торг. Там его наняли сначала грузчиком, потом крепкий молодой парень работал водоносом при замке. Старательного и сильного работника приметил барон Готфрид.

Назначил лесничим, ибо прежний весьма трагично погиб на охоте, никто долго не хотел занимать эту должность. К ней прилагался домик - сторожка прямо у леса. Я вспомнил - видел лицо Джерта в памяти Леонтины, только он был с бородой. Она ещё сказала тогда: «Боюсь его. Как легко он согласился убить».

Готфрид Зиверс купил мужа для Леонтины из простонародья по одной причине: так она исчезала из поля зрения его круга, тем более в большом городе. Он боялся позора для семьи. Монастырь не был гарантией тайны. Униженная замужеством за грязным мужиком дочь будет молчать до конца дней своих. Она и молчала. Никто кроме меня не мог её разговорить.

Джерт добросовестно, почти ни с кем не общаясь, преданно служил десять лет. Чем заслужил право стать мужем «падшей» дочери барона. Естественно, после этого пришлось по приказу барона уволиться. Быстро нашёл место младшего лесничего в Хаггене. Был очень доволен, что получил в собственность дом в городе.

Во время службы в Зивере Джерт, по прозвищу Игнац, выезжал по поручению барона найти покупателей на лес, либо сопроводить обоз с товаром. Попутно параллельно совершал на стороне хорошо спланированные преступления, мелкие, средние, крупные. Обогащался. Всегда выходил сухим из воды. Никто его даже не замечал.

Но в итоге подозрение всегда падало на врагов пострадавшей стороны и начиналась свара, иногда серьёзная. Семьи мстили друг другу, уничтожая род под корень. Главы конкурирующих ремесленных цехов ссорились дословно - насмерть. Баронства воевали между собой. В этот раз всё могло закончиться крупномасштабной войной. Если бы дочь и жена герцога пострадали.

Целью были они и наследник, но Харальд уехал в Хагген с отцом. Награбленное добро Джерта само по себе никогда не интересовало. Он богател на одних преступлениях, чтобы тут же вложить эти средства в организацию других. У него была сеть ничего не подозревающих болтунов осведомителей, кто за дружескую кружку в пивной, а кто на ночной подушке, как

Илма, выбалтывали информацию. О союзе баронств, о сигналах огнём: три ярких вспышки, либо три больших клуба дыма днём.

А уж нанять банду дезертиров да разбойников в этом времени проще простого. Были бы деньги на аванс, чем поманить на расчёт. По его задумке Линда, Кларисса, Харальд должны быть убиты, причём зверски. Следы преступников привели бы в соседнее графство, где правит брат графини Ингрид. Сразу три государства хотел вовлечь в раздор, войну и разорение. Повышал уровень своей жуткой игры.

Но в этот раз мерзкий организатор просчитался. Он умело выманил нас всех из Мюнна, как глупых цыплят. Сигнал бедствия из Мюнна не виден в Берге. Далеко. Значит союзный Берг не придёт на помощь. Но сигнал виден в Зивере. Зато Зивер не союзник, они не откликнутся.

Однако чёрт или ангел понёс Готфрида с семьёй знакомиться с герцогом. Цепочка случайных случайностей. Погрешность. Бывает.

Напоследок роняю, как бы вскользь:

- У душегуб! Невинного младенца убьёшь, не вздрогнешь!

- Если только опосредованно, господин следователь. Своими руками не могу.

Яркая картинка: очень тёмная ночь, видимо осень. Склоняется с коня, морда которого перетянута ремнём, а копыта обвязаны мешковиной. Держит в руках среднего размера корзину. Заглядывает в неё. Спящий малыш. В красивом тёплом одеяле.

- Живи, дитя греха! - с этими словами оставляет корзинку внутри у низенького забора, что отгораживает двор от улицы. Глазами Джерта я вижу неподалёку гигантскую бочку без крышки.

Микаэль заказал у Олива в общую баню, в качестве купели для девочек. Не бегать же им голышом в прорубь.

Глава 7.

Микаэль Тургезе. Мисаил Михалевич.

Утром стали собираться, кто куда. Не вернусь пока в город. Хотя из Хаггена до Ольденбурга гораздо ближе. Пусть обойдутся пока. Устал. Акушерок выпустил. Сестёр-сиделок и процедурных тоже. Название «сестра милосердия» просто убойно действовало, как реклама курсов.

Пришло много девушек и женщин, желающих учиться. Кое-что, азы, на уровне своего времени они знали. Если люди постоянно и системно истребляют друг друга, опыт лечения накапливается. Постепенно люди привыкнут к тому, что женщина тоже может врачевать.

Следующая ступень образования — фельдшеры. В Мюнне медицинский пункт всю зиму успешно работает без моего участия. Веренка, аптекарь и травница, теперь обучает молодых девушек своему ремеслу. Но честно призналась, что недоучилась, опыта мало.

Дочь Урсулы, Марта, с которыми мы вместе принимали роды у Амалии, проходит у нас в баронстве практику. Она ведёт беременности, принимает роды и проводит первичные осмотры на дому. Таким образом, ФАП функционирует, хотя пока не в полном объёме. Когда появится собственный фельдшер, учреждение станет полноценным лечебным пунктом.

Мне нужно немного времени для отдыха и общения с друзьями. Хотя Андреас чувствует себя, по-видимому, неплохо, я предпочитаю оставаться рядом.

Недавнее воздействие холода и громкие крики на пожаре могут плохо повлиять на процесс восстановления бронхов и легких. Есть риск, что выход крупного мацерированного фрагмента может привести к рецидиву инфекции и микротравмам тканей. Передвигаться с больным мы будем в комфортабельном, отапливаемом экипаже по хорошей дороге. Проводы в Хаггене были очень трогательными, полными слез и признательности.

Моя ученица, баронета Лисбет фон Штакельберг обещала тщательно пролечить всех обожженных. Ответственная девушка. Одна из лучших по успеваемости. Начала самостоятельную работу в своём баронстве и довольно успешно. В группе кроме неё было две знатных дамы. Уход за больными и ранеными считается занятием благородным. Ростки будущей системы квалифицированной медицинской помощи пробивают себе дорогу.

Мы заняли свои места и двинулись. К нам присоединился баронет Ульрих Штакельберг, едет за женой, чтобы успокоить её и вернуть домой. Несмотря на перелом ребра, он настоял на этой поездке. Он успешно адаптировался к протезу, и его культя выглядит здоровой. Омолоделость образовалась.

Перед тем, как отправиться в путь, я уделил время осмотру наших двойняшек. Кстати, дед двойняшек тоже имел близнеца, но он умер в раннем детстве. Какая же это чудесная парочка! Они набрали вес так превосходно, будто каждый из них появился на свет в одиночку. Неудивительно, ведь у них такие крепкие и молочные кормилицы. Настоящие дойные коровки.

Амалия, несмотря на малое количество молока, продолжает раз в день кормить их сама, и это достойно похвалы. Ведь нет ничего ценнее для естественного иммунитета малышей, чем материнское молоко. Дети растут в условиях свободного пеленания и даже выносятся на прогулки. Амалия вместе с Лисбет одержали убедительную победу на этом фронте над бабушкой.

В Мюнн я еду в первую очередь потому, что понадобится нашей Амелинде. Ей предстоит пережить опустошающую утрату — потерю своего рыцаря. Для неё он был гораздо больше, чем просто поклонник, как принято в аристократическом обществе. Он был русич, земляк, приблизительно из тех мест, откуда она сама родом. Как бы странно это не звучало - человек близкий по духу.

Между ними существовала настоящая комплиментарность, практически первобытный магнетизм, чистейшая биохимия, которую невозможно было скрыть. Когда они находились

рядом, между ними, как говорят, «искрило». Люди невольно пододвигались к ним ближе, словно желая погреться у этого костра любви.

Однако она не была готова открыть своё сердце этой пугающей истине. Непонятно откуда живущий в ней страх перед сильными эмоциями, перед неотвратимостью привязанности подавлял в ней это неистовое влечение. Страх — это инстинкт самосохранения. Влечение — инстинкт размножения. Первый сильнее. Не сохранишь себя, размножить будет нечего.

В итоге девушка выбрала безопасность и предсказуемость, вышла замуж по расчёту, уверенная что скоро станет свободной вдовой. А её рыцарь... Её рыцарь погиб.

Теперь ей предстоит жить с этим невыносимым грузом, зияющей пустотой и горьким раскаянием, с незаживающей раной в душе. И с герцогом. Хотя должно было быть с точностью наоборот. Хессел Мартина должен был умереть. Дигиталис — не шутка, сильнейший яд, напрямую влияющий на сердечный ритм. Больше чем уверен, этот ББ выполняет своё обещание по здоровью попаданцев и членов их семей. Кому так сильно была нужна смерть герцога? Пусть разведка ищет. Не моя компетенция.

Моё дело в конце весны, начале лета «на фронт» чумы ехать с командой обученных людей. Зимой эпидемия несколько ослабевает, затихает. Чумная палочка, зоонозная бактерия *Yersinia pestis*, иерсиния, спокойно переносит заморозку, но люди зимой меньше перемещаются, даже мыши с крысами по норам сидят.

Как только наступает тёплый сезон, чума вспыхивает с новой силой. Если бы мне лекарства из будущего... Антибиотики, вакцина. Существует даже сухая вакцина, в виде таблетки. Но здесь и сейчас чего нет, того нет, так что за неимением гербовой пишем на простой.

А именно: иммунитет повышаем. Есть лекарственные растения, методы закаливания. Соблюдение профилактических мер по нераспространению. Солнце есть. Чумная палочка погибает на солнце, также при кипячении. При лечении: борьба с обезвоживанием и кроверазжижающие средства.

Доберусь до первого чумного человеческого носителя, буду делать вакцину. Главное — добиться правильного количества этой гадости в разовой дозе. Путём разбавления культуры несколько раз. В одной дозе нужно сорок на десять в девятой степени бацилл. Плюс-минус. Серия испытаний, на ком? Да... Вакцина не лекарство. Её здоровому человеку делают.

Начну с гомеопатических доз. Постепенно увеличивая, наблюдение за реакцией организма. Придётся работать с приговорёнными к смерти. Чего-чего, а их хватает. Другого пути не вижу.

Внесу огромный вклад в увеличение численности человечества. Прославлюсь на века. Сбудется мечта юности, сделать фундаментальное открытие в медицине.

Если испытуемый помрёт? Он так и так помрёт, он же смертник. Ну, с оспой у меня никто не умер. Антипрививочников, хвала Господу, пока нет, не народились. Обученные святые отцы и доктор Клаус продолжают раздавать благословление святого Пантелеимона от оспы всем желающим из числа паломников к святыне.

Объясняют, как ухаживать за знаком «касания благодати». Ещё никто не отказался. Оспа тоже свирепствует, будь-будь. Было легко и просто найти очаг заболевания на границе графства, целая деревня чуть не вымерла. Там я нашел биоматериал для дальнейшей вариоляции.

Полно людей с отметками либо даже ослепших от болезни. Уже пригласили несколько слепцов на работу. Полировщиками оружейных стволов и частей. Виктор говорит, отлично справляются.

Стараюсь в дороге думать о чём угодно, только не о Гордее. Нет, о нём как раз думать нет смысла. Думать надо об Линде. У меня с собой успокаивающие и нашатырь. Успокою, в чувство приведу. Но как утишить боль безвозвратной потери дорогого человека? Тем более такой трагичной потери.

Утишить — утешить. На патера Конрада разве понадеяться. Есть в нём талант психотерапевта, определённо, редкий альтруизм, способность найти нужные слова и утешить. Наверяд ли она сможет помочь себе сама.

— Миша, ума не приложу, как сестре сказать? Ты её характер знаешь. Как бы с катушек не слетела. Ты видел её в ярости?

— Видел. Этого не допустим. Не надо путать эмоции, Андреас. Печаль, горе и сильная злость — не одно и то же. Гнев выплеснул, и всё, свободен — живи дальше, если никого не пришиб.

Печаль, тоска, горечь утраты — это надолго. Они сушат душу, жизнь становится серой, безрадостной. Может наступить затяжная депрессия.

— Не могу даже представить себе её реакцию. Мне уже страшно. Очень жаль её. Она была влюблена и довольно сильно. Я уже начал смиряться с мыслью, что они будут вместе.

— Признайся, ты сам был в неё влюблён? Похоже на это.

— Всё то вы, врачи, знаете, видите, замечаете. Детская любовь. Сестра троюродная, большая разница в возрасте. Жили рядом, всегда семьи вместе в поездках, на отдыхе, в деревню к родне. Нянькалась со мной, потом знала все мои беды и радости мажорской жизни.

Часто помогала советами. Меня ведь родители мечтали видеть юристом, тогда модно было, давили на все кнопки.

«Это твоя жизнь. И только твоя. Даже любящие тебя люди не имеют права ею распоряжаться. Ты должен быть тем, кем хочешь. И будешь!» — так сказала, будто приказала. Я забрал документы из одного ВУЗа и отнёс в другой.

Мне не хотелось, чтобы сестра связывала себя в этом времени обязательствами. Чтобы не страдала потом, когда вернёмся. Я забыл, что это её жизнь, её право выбора, страдать или нет.

— С чего ты решил, что мы вернёмся? На возложенную на нас миссию жизни не хватит. Я лично возвращаться не собираюсь. Женюсь, осяду в этом времени навсегда. Там я — рядовой врач. Здесь — спаситель человечества.

— А родители?

Не факт, что я в той изменённой реальности вообще родился. Нас, Михалевичей, в Казани туева хуча, у братьев и сестёр детей по выводу у каждого.

- А я один у папы с мамой. Некогда им было детей делать. Карьеру делали. Папа чиновник высшего ранга, мама по научной части.

- Помолчи. Много не разговаривай с неделю. Лучше думай, что сейчас Линде будешь говорить. Ты - ближайший родственник. Подъезжаем.

Не торопились, как вчера, медленно ехали. Десятка, теперь уже девятка воинов окружили сани с телом Гордея, уложенным возле пушки. Не отставали, не обгоняли.

Гвардейцы Хессела распределились между саней с деревенской гвардией. Крестьянам помыться было негде, так и ехали в обгоревшей одежде, с чумазыми лицами, как черти. Север с Виктором вообще плелись позади. Мы завернули с тракта на дорогу в Мюнн.

Что-то нехорошо мне. Не-хо-ро-шо. Не зря. В стороне от задних ворот был аккуратно сложен большой штабель свежих трупов разной степени убитости. Одежда чужая. Не наши. Значит, мы что-то пропустили. Парочку, пожалуй, аккуратно конфискую, в Ольденбург отвезу, благо зима. Пригодятся для практических занятий по анатомии.

Чёрная весть разлетелась по поместью практически сразу, как мы въехали в высокие арочные ворота. Конюхи, мальчишки-курьеры, проходящие мимо служанки, кто-то услышал от воинов, и слух понёсся дальше со скоростью звука.

Я только успел оглядеться, как из казармы донеслись вопли Мейд, кухарки. Она выскочила на улицу не одетая, добежала до саней, но не угадала под вздыбленным полотном привычные очертания покойно лежащего тела. Продолжая подвывать, подбежала к Ратибору:

- Где же он? Где наш Гордеюшка?

- Да как же так? Ведь нападения не было, как он погиб-то? Это точно? - Старшая горничная Евангелина проходила мимо с двумя девушками во флигель. В руках у них были узлы. Остановились.

Я заметил, что все куда-то чего-то таскали, словно намечался грандиозный переезд. Толпа вокруг нас росла. Парнишка вывез непривычно тихого Глушилу в коляске.

Вот выбежали девушки, следом за ними жена баронета Ульриха, Амалия. Он рванулся навстречу со всей скоростью, на какую был способен. Но я опередил:

- Спокойно, Амалия, у него ребро повреждено, не обнимайтесь. Где герцогиня?

- Занятия ведёт. По здоровью. Ёга какая-то. Позвать?

- Баронесса, надо ей сообщить о гибели Гордея на пожаре.

- Как? Гордей погиб? Это точно? Боже, Боже! Какое горе, какое несчастье... Герцог и барон Зиверс вчера об этом не сказали.

- Они не знали. Уехали до обнаружения тела. Амалия, он сгорел почти совсем, даже показать нечего. Как обугленное дерево. Мы не можем собраться с духом.

- Ждите. Схожу за Кёрстин и падре. Герцогу, надеюсь, у вас хватит духу сообщить?

Немного погодя они все вместе вышли. Собравшись в небольшие группы, люди переговаривались вполголоса, а в воздухе висело тягостное ожидание.

- Да что случилось-то? Вы чего такие мрачные, как на похоронах? С нами всё в порядке, отсиделись в тайном месте.

Нет, никто так и не решился сказать. Амелинда стояла под руку с мужем и одна улыбалась. Значит, последняя весть ей неизвестна. Только то, что был пожар, его потушили.

Андреас наконец счёл нужным выйти из возка. Прокашлялся. Потянувшись, взял с крыши чистого снега и крепко обтёр лицо. Затем медленно, нехотя сделал несколько шагов им навстречу, словно на каждой ноге висело по пудовой гире. Очень сухо, официально произнёс, хорошо слышно было всем:

- Ваша Светлость, виконтесса Штейнденделлингская, герцогиня Фризская Амелинда Мюнних Хессел`а! Ваш верный рыцарь, Гордей Вольгович, русский боярич, ушёл от нас навсегда. Геройски погиб при спасении детей на пожаре. Примите наши искренние соболезнования. Мы все скорбим вместе с вами.

Я был наготове. Но к тому, что произошло далее, готов не был даже я.

Глава 8.

Амелинда.

Неужели у меня, вечного перекасти-поля, появилась своя каменная стена, опора, надежда, защита? В этом суровом, если не сказать жёстче, жестоком времени.

Хессел был на грани нервного срыва в тот момент, когда я последней выбралась из гостеприимного убежища ББ. Когда он схватил нас в охапку в дверях, не только лицо, но и шея у него были в багровых пятнах. Надо поработать с его тревожностью. Кларисса тихо попискивала, притиснутая отцом к груди. Я, схваченная мощной лапищей ниже талии, довольно хихикала.

Мимо нас пронёсся, топоча, барон Готфрид фон Зиверс и тоже вцепился в свою прыщавую дочурку. Его маман умудрялась покачивать головой одновременно сурово и нежно, но обнять себя не позволила. Благородные дамы не показывают сильные чувства на людях. Благородные мужи могут. Им многое разрешено и прощается во все времена. С этим я разберусь, в своей семье — точно.

— От тебя горелым пахнет, Хес, это порох?

— Нет, не пришлось. Никакого нападения на Хагген не было. Случился большой пожар в ближайшей деревне, твой дядя уверен, это поджог.

— Амалия! Амалька!!! Где ты? Всё в порядке в замке, слышишь, всё в порядке! Ну чего теперь-то рыдаешь?

- В замке Хагген ничего не случилось. Семья и ваши дети в полном порядке, леди Амалия. Но всё равно, мы не успели вовремя. Половина деревни сгорела.

- У-у-у... - подруга прилипла ко мне с другого бока, её уже не смущал мой новый статус и бывший враг рядом. Главное, свекровки рядом нет, чтоб не запрещала плакать.

- Ну вторую-то половину отстояли. Были жертвы, Хессел?

- Да. Ребёнок крестьянский и две женщины. Угорели. С нашими воинами всё в порядке, отмываются, ночуют и вернутся завтра. Вы мне лучше расскажите, как вам удалось уцелеть? Мы поступили опрометчиво и безрассудно. Оставили Мюнн без защиты. Ринулись спасать соседей, забыв о своих близких. Как по голове кто-то дал, ум отшибло!

- Папочка, всё же обошлось! Мы в тайной комнате пересидели, там кушали, учились, спали. Мне такой чудесный сон приснился...

- Попозже, будем укладывать тебя на ночь, расскажешь, если не забудешь.

- Никогда! Никогда не забуду!

Мимо с озабоченным видом проехал Глушила, обратился:

- Ваши Светлости, барон, баронесса! Прошу всех зайти в замок, детей и девиц заберите. Мешают. Нам после нападения прибраться надобно. Кое-где «мусор» ещё валяется. Надо успеть вынести за ворота. Скоро совсем стемнеет. Остальное и завтра можно убрать.

В доме было холодно, камины и печи ещё не топились, но истопник уже носил торф к печам в коридоре. Кухня тоже ожила, нужен горячий ужин на толпу народа. Идалия носится сама, но уже попутно шпыняет подчинённых, я слышу:

- Оладьи триста штук печём! Это кто такая расторопная, уже готово тесто?

Довольная похвалой Дора, жена Августа, отвечает с поклоном, как положено:

- Ночной замес подошёл на белый хлеб. Я молочком тёплым разбавила, только-только Илма принесла, так мигом поднялось. Пеку, госпожа, уже пеку! Пусть горничные помогут с уборкой, тут эти сволочи разбойники такой бардак навели, ужас.

- Ева, слышала?

- Идём, идём!

- Дора!

- Да, баронесса!

- Доротея, я не к Вам обращаюсь. Вы же не кухарка и не жена нашего старосты. Ваше имя я никогда бы не посмела сократить. Вы же родственница Светлости и фрейлина его дочери.

Дороти, задрав нос, огляделась: все слышали, чья она родственница? Однако напоминание о должности подействовало, она пошла исполнять свои прямые обязанности. Пасти Клариссу. Поскольку мы с Хесселом срочно должны ненадолго отлучиться, покинуть общество, до ужина.

Ненадолго не получилось. Злое и голодное общество послало делегата. Летти совершенно неделикатно забарабанила в дверь спальни. Она уже не только меня, но и герцога не боится!

Поздний ужин состоял из нарезок сыра, колбасы, копченостей, чёрствого хлеба, запеканки с яйцами из забытой впопыхах каши для слуг и горячих румяных оладий с напитком «Ячменный колос». Ида распорядилась выставить эль и вино. Всё смели со столов в мгновение ока. Аппетит — частый спутник стресса.

Прямо просто спасли, выручили нас зверцы, поспешив на выручку к своему барону. Быстро разобрались с бандой грабителей. Если бы не прискакали, то быть нам обобранными до нитки. Судя по тому, что любители незаконных доходов уже успели упаковать, нам и поужинать было бы нечем и не из чего.

Ну и денёк! Начался ночью пожаром в Хагтене. Продолжился лихорадочными сборами и спасением ценностей. Затем нападением на нас и сражением снаружи, пока мы в катакомбах у ББ за пазухой сидели. Там мы занимались учёбой, выспались. Встретились с мужем, занимались любовью, утомились. Поели. Огляделись. Вокруг апокалипсис, армагеддон и кавардак в одном флаконе.

Завтра начнём генеральную уборку: всё растаскивать, ремонтировать, раскладывать, расставлять по прежним местам. Не побили, не просыпали, не порвали ничего. Это говорит о единоначалии. Кто-то командовал, и ему подчинялись. Парочку отморозков в живых оставили. Поужинаем, пойду допрошу. Недолго клетушки в подвале пустовали. Популярная жилплощадь в замке — камеры. Рабочее время для допросов только начинается.

Я так часто тут в подвале отираюсь, можно подумать, прописалась. Вольф находится на небольшом пятачке перед дверями двух камер. Здесь оборудован пост, с тех времён, когда Берги квартировали. Небольшой стол и лавочка, фонарь — летучая мышь, прямиком из будущего, вполне вписался. Самое главное — есть где сидеть, перекусить сторожу. Он и не теряется. Кувшин, кружка, лепёшка, колбаска... Всё это, включая фонарь, я молча конфискую. Вольф помалкивает, он уже немного меня изучил.

— Вольф, будьте любезны, откройте камеры, немного ослабьте путы. Затем уйдите. Допрос закончим, позовём.

Барон Готфрид не пожелал видеть «гнусные рожи», поэтому меня сопровождает только муж. Отрубить этот хвост не получилось, несмотря на сильный посыл.

Вот и первый, который нам не товарищ. Парень, горбоносый тощий брюнет, одет в знакомую мне одежду Андреаса, лет около двадцати, почти осмысленное лицо, избит не сильно. С удивлением косится на ярко горящий фонарь в руках Хессела.

Так, а куда мне продовольственный стимул приткнуть? Хес поставил фонарь на пол, занёс лавочку. Мы с едой присели. Муж остался стоять, на всякий случай. Он сильно напряжён и никому не доверяет.

Ну что, вражина, встречай. Пришёл добрый полицейский. Естественно, в паре со злым. Хессел очень пригодился, не только в качестве запугивателя, но и переводчика.

Пленник оказался французским дезертиром, сбежавшим с полей сражения Столетней войны. Я бы сказала, более чем столетней, ибо длилась серия военных действий между королевством Англия и королевством Франция с тысяча триста тридцать седьмого по тысяча четыреста пятьдесят третий год.

Таких типов шляется чуть ли не целая армия по просторам разорённой Европы. Строну-тые со своих родных мест простые крестьяне, городской сброд и ремесленники, кто обманом, кто добровольно, попадали в условия, где можно убивать, грабить, насиловать безнаказанно.

Смерть спишет всё, кто умер, защищая свою страну, сразу попадёт в рай — эти сентен-ции делали из солдат с обеих сторон преступников и убийц в отношении мирного населения. Вкусив лёгкой наживы и не встречая сопротивления, они не хотели умирать в настоящем бою сами, многие дезертировали.

Сбивались в разбойничьи шайки, зачастую во главе был какой-нибудь безземельный рыцарь. Раубриттер. Как, к примеру, Еппелейн фон Галинген. Промышляли сами, могли наняться на время, для выполнения задачи заказчика.

Сложно ввести в гипнотический транс иностранца. Языковой барьер мешает. Гипноз через переводчика? Я не Мессинг.

Несколько правильных вопросов, дилемма выбора: парня повело в нужную сторону. Но толку было мало. Сбились ватагой недавно, месяца три назад, в основном бывшие крестьяне, французы. Он рядовой член банды, даже не шестёрка.

Три дня назад главарь выдал всем аванс, объявил, что дело того стоит, можно обогатиться, прикупить домик, лавочку и осесть в безопасном месте. Мечта солдата столь же вечная, сколь недостижимая.

Перешли из Франции между двумя германскими графствами, практически по погранич-ным землям. Наша Южная пустошь как раз вклинивалась между ними небольшим лоскутком. Был проводник. Его убили. Им гарантировали, что замок будет беззащитным. Приходи и грабь.

- Кто второй пленник, ты с ним хорошо знаком?

- Бутуз, имя не знаю. Должность — казначей. Он из бывших торговцев, постоянно возле нашего вожака отирался, особо с нами не водился.

— Вожак кто?

— Из настоящих разбойников, кто давно этим промышляет, имя не знаю. Кличка была Хряп. Он когда рубился, говорил " Хряп". Первым тут его убили, он двоих успел ранить. А мы разбежались, попрятались. Несколько наших успели обратно удрать. Что со мной будет?

— Суд решит. Ешь, пей, если дельное что вспомнишь, суд проявит снисхождение. Всё, что ты сказал, ценности не имеет, как и твоя никчёмная жизнь.

Ценная информация была — в соседней камере сидит казначей шайки. Похоже, экспро-приировать экспроприаторов становится доброй традицией. Но это будет завтра. Которое уже началось.

Снова спит замок Мюнн. Всклипывают, стонут во сне пережившие смертельный страх девушки. Содрогается от храпа Глушилы непривычно пустая казарма. Амалия пошла ночевать во флигель к Кёрстин, обе пока без мужей.

Виконтесса Штейненделлингская, забодая её комар, соскучилась по падчерице, поэтому сонное дитё подвинуто к тёплой стене, и я прилегла с края, зная, что проснусь под сложенными на меня тощими мотолыжками. Скоро вставать первой смене кухарок.

Подъём было приказано перенести на час позже. Кстати, большие напольные часы Ида-лия приказала перенести в общую большую гостиную в замке. Они мелодично отбивали время, Эмма самолично их заводила, никому не доверяя.

Три старых будильника обновились внешне, блестели как новенькие, но не ходили. Вик-тор объявил все часы ценнейшим материальным ресурсом для развития баронства. Потом. Если выживем.

Утром баронесса Идалия пригласила двух знатных папаш, Готфрида и Хессела, с доч-ками к себе на открытую пару по теме «Годовой баланс замкового хозяйства». Наш пансион живёт по принципу: что бы ни случилось, учёба должна продолжаться! Присутствовали также

начальница пансиона, падре и две знатные дамы, Кристи и Амалия. Одна незнатная дама - экономка Августа.

Мы с Эммой решили сразу внедрять систему повышения квалификации педагогов, аттестацию, чтобы это стало нормой. Учителя должны быть самыми передовыми людьми своего времени.

В связи с временным отсутствием трёх преподавателей, я проводила занятие по йоге сразу в двух группах. Девочки были в простых костюмах для физкультуры: льняная просторная блуза навыпуск и укороченная до щиколотки широкая юбка, кожаные тапки.

На мне был светло-серый спортивный костюм, некий гибрид: фасон из двадцать первого, ткань из четырнадцатого века. Вместо молнии на куртке была шнуровка. Между широкими штанинами Ида вшила кусок шерстяной ткани по крою «полусолнце». Некий компромисс между требованиями нравов и необходимостью показывать ученицам позиции ног. Но особо это достижение спортивной моды я старалась не демонстрировать.

Тут в большую гостиную, она же спортзал, ввалилась целая делегация, правда, постучали. Приучила. Мы все успели принять первую позицию.

— Ваша Светлость, барон и воины из Хаггена вернулись. По протоколу необходимо встретить, — с чего-то сугубо официально обратился ко мне Хессел. Он же накинул мне на плечи сюрко, предложил руку.

Слева от меня встал падре Конрад, которого я иначе как святым отцом уже не именовала, так мне нравилась его личность. Сзади пристроились закадычные подруги.

О как! Прямо королева со свитой, успела я подумать, прежде чем противно заныла над солнечным сплетением моя никогда не ошибающаяся чуйка. Стало тошно и неправильно.

Я чувствовала, не только во мне, но и вовне — что-то неправильно! Ноги не несли, но с боков меня подпирали два хороших человека, и я на них почти положилась.

Для этого времени суток двор прямо кишел народом, у многих в руках были вещи, узлы, свёртки. Нужно было сложенное в кучи бандитами наше добро рассортировать, разнести по местам. Люди подходили к Августе, она уже направляла указательными жестами и словами по адресу каждую вещь.

«Мусор», как назвал Глушила покойников за воротами, решили сами не трогать. Народ гражданский, зачем им видеть столько трупов сразу? Десятка прибудет, схоронят. Десятка прибыла.

Вижу — работа остановилась. Мейд плачет. У неё каша подгорела? Прибывшие воины герцогской гвардии спешили, наши тоже. Деревенские молодцы слезают с саней. Все хмурые, грязные, воняют пожарищем.

Миша возле кибитки со своим неизменным саквояжем. У него настороженное, внимательное лицо, он осматривает меня. Словно прощупывает взглядом. Вот и братец, утомлённый старой раной, лицо решил освежить. Утирается снегом.

Выглядит Андреас не лучшим образом и говорит, говорит... Слышу плохо. Я всегда плохо слышу, когда не хочу слушать. Говорит, что Гордей Вольгович герой, детей спасал. Говорит — Гордей ушёл. Куда ушёл? Где он?

— А где он?

Мои спутники переглядываются, Хессел берёт меня за плечи, но я выскальзываю. Бегу. Его десятка возле саней с пушкой, Глушила там же. Они знают.

- Где он? Где ваш десятник? Спрашиваю громко, требовательно.

Из ушей словно внезапно выдёргивают пробку, звуки становятся громкими, чёткими.

Стоян отвечает первым:

- Дак вот, герцогинюшка. Туточки. У пушечки лежит.

- Ты чего сюсюкаешься, я тебе что — дитя? Открывай!!!

- Линда, не надо, прошу, пойдём в замок. Пойдём, пойдём!

- Да, да, идём. С этими словами резко делаю шаг к саням и дёргаю холстину. Я должна увидеть. Убедиться своими глазами. Потому что не слышу, не чувствую его мёртвым. Хессел успел, он крепко, надёжно поддерживает меня со спины.

- Ты что творишь! Не кощунствуй! — кричит Миша. Раздались громкие, испуганные вскрики мужчин и женщин.

Мне приходилось видеть сгоревшие тела. Только на фотографиях криминалистов. Готовилась к оказанию психологической помощи пожарникам при профессиональном выгорании. Я должна была примерно почувствовать то, что пережили они. Так лучше подбирались нужные слова. Почувствовала.

Похоже... Похоже на знак пешеходного перехода. Такой же угольно-чёрный человек, так же подняты и согнуты руки и ноги, нет кистей и стоп. Только в полный размер. Слишком, слишком большой человек. Для чего слишком большой? Куда он идёт? Где его переход? Время застыло.

Прав Миша, нельзя так обнажать останки. Это жестоко и некрасиво по отношению к тому, кто в них жил. Но мне надо убедиться лично, что Гордей мёртв. Окончательно мёртв. Иначе я не приму этот факт никогда.

Затошнило, значит, резко поднялось давление, нехорошо будет, если здесь вырвет.

- Святой отец, скажите Слово. Хес, уведи меня.

Благородные дамы не показывают сильные эмоции на людях. Раздаётся тоненький жалобный вскрик. Верена падает замертво. Я успеваю увидеть, как к ней кидается Микаэль.

Но я уйду своими ногами. Почти.

Глава 9.

Виктор.

Тяжёлое возвращение. Тяжёлая сцена. Плохо мне. Ох, как мне плохо! В миг, когда увидел то, что было Гордеем, живым, крепким, как молодой дубок парнем, понял по настоящему, спинным мозгом: это реальная жизнь.

Мы, волонтеры. не заигравшиеся в реконструкторов люди, что немного задержались на фестивале. Не миссионеры, что пришли, принесли, выполнили и ушли. Всё вокруг - реальность, время, события, место - пространство. И я в нём. В этом дерьме, называемом жизнью в Средневековье.

Надо разгребать, чистить, строить. А сил нет. Ни физических, ни метафизических. Вымотались мы с Северином страшно. Работали до самого последнего тлеющего брёвнышка. Потом разгребали пожарище у избы, где нашли доспехи Гордея. Он почему то кинулся туда один. Потом укладывали тело на сани, стараясь, чтобы оно не развалилось на куски. Везли.

Для чего Линда сдёрнула покров? В чём хотела убедиться? А её странное бормотание: «Он большой слишком, слишком большой человек», о чём, о ком? Она была потрясена конечно, но как то в пределах нормы. Из себя не вышла. Даже странно.

Я ожидал приступа истерики, ярости, отрицания, рыданий. Она просто ушла, поддерживаемая герцогом. Зато Верена упала как подкошенная на грязный снег, я не успел подхватить. Очень впечатлительная девочка. Миша поднял ей веко, подержал за руку. Рукав малиновый раскрылся крылышком. Как птичка колибри в ярком оперении. Понёс в замок. Сдал Эмме на руки.

Я как дурак зачем то топтался рядом.

- Баронета в обмороке, госпожа Эмма, вот соли, отвар успокоительный сделайте, я в казарму, повязки менять, у воинов ожоги. Виктор ты тут чего?

- Не знаю чего. Стою и не знаю. Делать чего, думать чего, жить чего!!!

- Только твоих истерик не хватает. Иди, министр обороны, выполняй свои задачи. Андреасу я пока запретил разговаривать. Так что командуй. Трупы надо захоронить. Парочку посимпатичнее мне оставьте.

День завертелся. Первым делом собрал оружие, ранее выданное из оружейной. Север с Домиником отнесли его обратно в башню. Потом пушкарь затребовал помощников выгрузить обратно пушечку и ядра. Не пригодилась. Но опробовать в ближайшее время надо. Достал блокнот, записал.

Доминик забрал обратно в хранилище несколько порций почти бездымного пороха. Получил команду не отвлекаться. Наводить порядок в лаборатории. Ничего ценного на взгляд разбойников тут не было, они ничего не утащили, но покуролесили.

Всех незабинтованных наших и гвардейцев Хессела отправил во главе с Вольфом рыть общую могилу, подальше за деревню, возле лесочка. Поганить своё кладбище деревенские отказались наотрез. Падре Конрад проявил инициативу в отпевании, дело не моё, пусть поёт.

Нужно сделать гроб для останков Гордея. Чёрт! Какой он будет? Ящик кубической формы? Пусть плотник думает. У меня свои думки. К концу дня военный Совет созываю. Не то что предел, - беспредел наступил нашей безопасности, и моей в частности.

- Товарищ мейстер обороны, разрешите обратиться?

Старшина деревенской роты Петер. Насколько возможно привёл себя в порядок.

- Обращайся.

- Военные занятия сегодня будут? Или можно парней по домам отпустить?

- Занятий не будет. Задание есть. Помогать в уборке помещений замка женщинам. Носить тяжёлое, двигать, в общем поступаете в распоряжение экономки Августы.

- Кормить будут?

- Обедать пойдёте в казарму. Позовут.

Иду туда. В казарме зарёванная Мейд со старшей дочерью готовят в кухонном закуте.

- Мейди, сегодня на сорок человек надо похлёбки наварить. Работы много. Деревенские с уборкой остались помогать. Чего ты совсем расклеилась, а?

- Ой, он такой добрый был парень. Сердце такое чистое... «Все сидим, ждём, пока поест Мейд, всю норму! Из за тебя столько мужиков сидят голодные, не стыдно? Ешь давай, это приказ!». Вот так я нормально есть начала, никак не могла, а он заставлял, следил. Мужу надежду дал, в дружину принять обещал, если доверие оправдает. Премию мне дал, из своего кармана. Ах, беда, беда, беда какая... У-у-у...

- Похлёбку не пересоли слезами. Куно и Луц хорошо себя проявили. Герцогиня похвалила их труд в обозе. На пожаре храбро себя вели, много добра и жизни спасли. Так что быть им в дружине. С сегодняшнего дня. За хлебом дополнительным в кухню ходите. Сала тоже спроси. Чеснок, лук есть? Выдашь.

В казарме уже навели чистоту, люди военные, любят порядок. Трое в повязках. Пахнет знакомой мазью, ихтиоловая вроде. Вонючая.

На кровати Гордея кучка монет.

- Это что за деньги у Гордея на покрывале, Мейди?

- На гроб, на поминки, на похороны. Десятка скинулась.

- Барон на свой счёт всё примет.

- Принято так у них.

- Принято, так принято. Хоронить его будут на родине.

- Ой горе то какое родителям, ой горе!

В резко открытую дверь заглянул Вальдемар. Меня искал. За его спиной стоял насупленный герцог.

- Мы в баню, идёшь?

- Сейчас подойду. Бельишко возьму.

Да, мне точно нужна баня, она и душу и тело лечит. Если бы не Михаил, так бы до сих пор в деревенскую баню ходили. А тут - вот она: новенькая, липовая, на кирпичном фундаменте. В пределах хозпостроек, но немного в стороне. Большая, до десяти человек вмещает. Дым почти прозрачный, значит лучшие дрова жгут. Когда истопник успел?

Подтягивается Доминик Белькур, заходим вместе. Вольф сидит, уже без портков.

- Вольф, ты же сейчас могилу с парнями копаешь?

- Моё дело приказать и проконтролировать, господин «мейстер обороны» - вот такая то ироничная у Вольфа интонация, не нравится мне.

- Это я Вольфу приказал. За Готфридом тоже послал и Орбантом, сейчас подтянутся. Сын придёт. Пусть с нами посидит. Учится парню надо. Начальник стражи от Хаггена будет, запамятовал имя. Ульриху нельзя в баню, ребро сломал.

- Похоже военный совет начнётся раньше, чем я планировал. Пригласить надо Воислава. Я его на место десятника рекомендую. Вольф, что скажешь? Вы с ним сдружились.

- Достоин.

В парилке жар пока сухой. Пусть немчура попарится. Начнём поддавать, не выдержат. По стенам развешаны попарно веники дубовые, берёзовые, хвойные. С пучками трав внутри: полынь, мята. От них исходит запах леса, луга. Он расслабляет.

В углу предбанника стоит шедевр бондарского дела - бочка работы Олива примерно на куб холодной воды объёмом. Такую же бочку поставили в деревенской бане. Для женщин. Они потребовали.

Из бочки воду берём для котла, в ней же охлаждаемся.

Для бани осенью копали отдельный колодец. Вода поступает по самому примитивному Архимедову насосу, а грязная уходит в яму рядом с баней. Использовали трубы, что лежали в двадцать первом веке для ремонта водопровода

Спираль, похожую на шнек мясорубки я ковал самолично. Бер вообще не мог понять принципковки приводящий к мягкому закручиванию ленты металла. Но с рычажной системой передачи вращения от колеса справился. Одну из лошадей трофейных уже припрягли. Всё новое - хорошо забытое старое. Всего лишь из третьего века до нашей эры.

Сам предбанник сделан как комната отдыха и раздевалка, квадратов на шестнадцать. Стол и угловая лавка, да две обычных. Истопник, да как его, вот уже начинаю снобом становиться, принёс квасу в огромном запотевшем кувшине. Узнать и запомнить имя.

Красные, как переваренные раки, фрицы полезли из парилки по одному в бочку. Тела в многочисленных боевых и турнирных шрамах. Отвожу глаза. Я слабак и шрам приличный у меня всего один, и то: от ожога в кузне.

Наша очередь на заход, русские всех национальностей и времён уважают влажную баню с очень горячим паром. В таком экстриме мозг отбрасывает несущественные проблемы. Нужно сосредоточиться на главном - выживании.

Сосредоточиться мешает визг отрока Харальда Хесселовича. Его из любопытства занесло посмотреть зачем нужны веники. Воислав наш лучший парильщик.

Отец встревожен, но не лезет. Глубже с головой погружает в бочку телеса, вода плещет через край. Телеса могучие, всё при нём и даже больше. Я тоже не хилак, но... пойду ещё заход сделаю. Ковшик кипятка хвойного на каменку! Пшшш!

- Уй, уй, ай, яй!

- Терпи казак, атаманом будешь!

- Воислав, а на Руси уже есть казаки?

- Не знаю, твоя Дама сердца так выражается. И-и-эх! И-и-эх!

- У-и-и-и!!!! У-и-и-й!!!!

- Воислав, отпусти ребёнка!

- Я не ребёнок! Жарь, дяденька! А-а-а!

Ну, слава Богу. Напарились, оттерлись, вьевшуюся в поры и волосы гарь отмыли. Мозги прочистили. Лёгкость образовалась. Можно о деле толковать. Где мой блокнот, карандаш? Надо запротоколировать.

...состоялся воинский Совет союзных баронств и государств...в составе: герцога Фризии Хессела Мартина, наследника Фризии Харальда Хессела, Барона Вальдемара фон Мюнних, барона Готфрида фон Зиверс, барона Орбанта фон Дрез, старшины гвардейцев Вольфа, мейстера обороны Мюнна Виктора Коха, и.о. десятника Воислава, химика Доминика Белькур, начальника стражи Хаггена - Райнера. Председатель - барон Вальдемар фон Мюнних, секретарь - мейстер обороны Мюнна.

Года тысяча триста сорок седьмого от рождества Христова, месяца февраля, числа двадцатого. В месте, нет лучше в поместье замка Мюнн.

- Кто за утверждение повестки, прошу проголосовать! Это если вопросы считаете подходящими для обсуждения, то поднимаете руку, вот так. Единогласно.

- Откройте дверь, немного воздуху. Освежимся кваском и вперёд, как говорит моя Прекрасная Дама - арбайтен! Кстати, Ваша Светлость как чувствует себя её Светлость?

- Она в печали, с ней её подруги и моя дочь. Мы не состояние моей супруги собрались обсуждать. Ближе к теме.

Ишь, ошетинился, прямо все пушистые волоски дыбом встали. Если бы не этикет, требующий терпимо относится к рыцарям супруги, придушил бы меня как котёнка, несмотря мои на крепкие шейные мышцы. Лапищи такие...Наверно синяки оставляет на её нежной коже.

- По первому вопросу о новых видах оружия, выступит господин химик Доменик Белькур. Дополнит его мейстер обороны.

Не обсуждая детали Доменик рассказал о мушкетах и пистолях. Текст я ему отредактировал ещё перед прошлой презентацией для герцога. Основной упор делался на то, что это гибрид небольшого арбалета, где вместо стрелы пуля, и пушки с её пороховым принципом выталкивания пули, вместо ядра.

Такое примитивное объяснение имело успех, мужики поняли, ну или сделали вид. Параллельно с порохом, химик по заданию работал над гранатой. Её части он сейчас демонстрирует, сопровождая пояснениями:

- Граната представляет собой небольшой глиняный сосуд, начинённый либо горючим земляным маслом, либо селитрой или порохом. Вот это запал — пеньковый фитиль, также пропитанный селитрой или натёртый пороховой мякотью.

Устройство применимо в первую очередь при осаде или обороне укрепленных городов, но и на поле боя ему найдётся место: для внесения сумятицы в боевые порядки противника — пешего и особо конного.

Если шар сделать толще, глину закалить, а внутрь добавить нарезанные острые куски железа, то он будет показывать значительное поражающее действие, даже на рыцарей в доспехах. Метательные машины прекрасно доставят гранаты в гущу противника.

- Дверь закройте! Не май месяц! Наследника мне простудите, шёл бы к себе Харальд.

- Не могу, я в документе чи-и-слюсь.

- Икай тогда молча! Такой исторический момент испортил. Да мы с таким оружием... да мы!

Точно захватнические мысли до сих пор лелеет. Сколько волка ни корми. Я быстренько влезу:

- Защитим себя и союзников от всех недругов. Чужой земли нам не надо, своей ни пяди не отдадим. Вам рассказали не всё про устройство нового вооружения, только в общих чертах. Сведения секретны. Представьте, если такое оружие будет у нападающих и обороняющихся.

- Людей не останется вскорости. Страшно подумать. - Орбант в ужасе смотрел на кругленькие безобидные по виду глиняные шары.

- Поэтому военная доктрина наших объединённых баронств сугубо оборонительная. Мы защищаем своё. Не лезем к другим.

- Это как верхи решат. Мы, бароны, люди маленькие. Скажет суверен - война, значит война. Куда денешься? - покачав головой с неравномерно, клочьями остриженными волосами произнёс безбровый красавчик Готфрид.

Хессел хмыкнул, почесал свой белый пушок на бронзовой груди - песец, блин, и родил:

- На обратной дороге домой я буду в Ольденбурге. Заключим с графом договор о добровольном объединении наших государств. Не буду ждать пока состоится свадьба. Даже, если вдруг не поженятся наши дети, единству нашему - быть. Документы к марту будут готовы.

Народ офигел. Одно дело - перспектива, другое - лёг спать в одном государстве, проснулся в новом. Красные лица от притока крови к мозгу стали ещё краснее.

- Чем я тогда управлять буду, отец? Если граф Фризию заберёт?

- В карман он её положит что ли? На месте останется. Вот ей и будешь управлять. Если с умом, то и Голландию к Фризии присоединим, но! Добровольно! А то лезут и лезут к нам, раз так нужны мы им, пусть будут. Вы чего молчите? Не одобряете?

- Одобряем, одобряем! Укрупняться мелким государствам надо.

- Мал золотник, да дорог! Велика фигура, да дура!

Обиделся стало быть Хессел, а поговорки к месту лепит, Линдочкина шлифовка.

- Продолжу по обороне. Места для пушек выгодные мы уже определили с бароном Андреасом.

Две на башнях замка. Четыре пушки квадратом вокруг замка на приличном расстоянии. Для них нужно строить сторожевые башни. Потом, со временем башни соедините стенами. Будет приличная крепость, а не шиш на голом месте.

- Много времени стройка займёт, Ваша светлость. У нас в планах город строить по весне.

- Вы, господин мейстер обороны, продумали уже, как город защищать будете? Молчите? Ну вот и послушайте более опытного союзника. Башни из камня. Песчаника у вас полно. Известняка также. Сидите на нём.

В апреле от меня придут четыре бригады по десять человек. Из них четыре мастера, остальные чернорабочие. Но с опытом. Дворец мне строили. Сейчас без работы сидят, мне сохранить их надо. Прокормите, деньгу какую никакую уплатите, будут вам четыре башни.

- Так это... Спасибо, - выдал я в полной растерянности от перспективы руководить строительством оборонительных сооружений.

- Ваша Светлость, нам бы в Зивер пушки, хоть пару. - чтобы Готфрид свою выгоду упустил? Когда такое было?

- За зерно, муку, крупы, другие продукты. Цену возьму высокую. Как вы с нас содрали. Вы не смотрите, что барону я их подарил. Он мой близкий родич. Семья. С их баронства семенной материал мои крестьяне получили, бесплатно.

- Хагген за ценой тоже не постоит, но если просите зерно, то только осенью.- вставил на всякий случай Райдер, глава войска соседнего баронства.

- Утром деньги, вечером стулья.

- Чего - чего?

- Осенью зерно, зимой пушки.

По речи Хессела видно, что с жёнушкой он спелся. Линда любит украшать свою речь устным народным творчеством. Мне нужно исхитриться как то её увидеть.

Очередь дошла до Вальдемара. Он докладывал по итогам расследования причин пожара в Хаггене и нападения на Мюнн. Хлебнул из ковши квасу, глядя на нас особенным взглядом поверх посуды. Будто рентгеном просветил, просканировал.

Значительные изменения в нём произошли, как вернулся с поездки. С паломничества. Уже не жалуется на боли в голове, почти совсем не хромает. На пожарище наравне со всеми упирался. Поведение другое, скупое говорит, даже молчит так, будто слушает. А если...Да не! Не - не! Данунах! Не может быть!

Уточни себе, Витёк: всё, что не может быть уже случилось. Понаблюдаю.

- ...находятся трое пленников. Один поджигатель из Хаггена. Двое - бандиты. Мы поняли, что два события прямо связаны между собой. Допрос проводился без пыток. Почти. Тем ценнее показания.

Бандитская шайка из Франкии. Главарь, по кличке Хряп, получил аванс и задание от поджигателя по имени Джерт, кличка Игнац. Им было гарантировано, что защитников в поместье не будет. Иначе они не стали бы браться за это дело.

Вальдемар часто смотрел на Готфрида. Тот отводил глаза и помалкивал в тряпочку. Не увидев ничего интересного на лбу фон Зиверса, Вальдемар продолжил:

- Банда организована недавно, из числа солдат дезертиров, почти необученных бывших крестьян. Более менее оружием владел только сам главарь. Помимо грабежа, им вменялось захватить и с особой жестокостью убить супругу герцога фризского и его детей.

- Что-о-о!!! Голыми руками разорву! Шкуру сдеру! Откуда...откуда им стало известно? Что они здесь? Кто выдал им сведения о союзном договоре? На кол! На кол предателя! Без масла!

- Ваша Светлость. Предательства в прямом смысле не было. Джерт виртуозно владеет навыками сбора данных. Он обученный на высочайшем уровне шпион. По крупницам отсеивал нужную информацию из любых источников, разговоров, слухов, сплетен. Делал верные

выводы. А вот мы секрета из союза баронств не делали. О вашем приезде знали заранее, готовили торжественную встречу. В Ольденбурге, в Мюнне.

На лицах членов военсовета отражалась напряжённая работа мозга. А именно: горизонтальные отражения извилин на лбу, нахмуренные брови и надутые щёки. Но все поглядывали на герцога. Он выдал:

- Кому то нужна большая свара. У вас, здесь, в Германии. Франция и Англия давно в огне войны. Здесь относительно спокойно. - сказал мистер очевидность, с важным видом.

Он моментально вспыхивает и быстро успокаивается. Типичный коктейль холерика с сангвиником. Когда кончатся уси - пуси молодожёнов, нелегко Линде с ним придётся. Или ему с ней.

- Вы прозорливы, Ваша Светлость. - Вальдемар медленно, соглашаясь, покачал головой. Продолжил:

- Этот Джерт признался во множестве преступлений подобного рода. Цель каждого была - вызвать вражду, уособицу, кровную месть, войну между баронствами. Уничтожение прямых наследников, дабы между родней начиналась грызня за наследство.

В этот раз ему едва не удалось втянуть в войну три государства. Брат графини Ингрид - правитель соседнего графства, через которое пробрались к нам разбойники. В том случае, если диверсия удалась, след привёл бы туда.

Послебанное благодушное настроение выветрилось. Нам стало неуютно и муторно от одной только мысли о последствиях.

- Я задам вам всем вопрос, господа. Кому это выгодно? Кому выгодно, чтобы государства и баронства желающие наладить дружественные, союзные отношения не достигли своей цели? - Вальдемар акцентно пристукнул по столу.

Кто может вычистить мозг человека так, что он помнит только последние десять с небольшим лет жизни? У Джерта потерю памяти о прошлом лекарь подтвердил. Это лучший специалист, я ему верю.

Однако! Навыки - то шпион сохранил. Он отлично применяет их в своём гнусном ремесле провокатора. Опять таки: кто может так искусно, избирательно воздействовать на память человека?

- Дьявол?

- О, Господи! Я и забыл про тебя! Вольф, сопроводи виконта в личные покои. Караул у двери выставь.

На лице наследника читалось выражение «попомню я тебе папенька», но вышел он молча. Хессел абсолютно прав. Такие грязные тайны не должны смущать и развращать юные умы. Иначе сотрётся граница между добром и злом, в том возрасте когда душа ищет и требует справедливости во всём. Тогда может сформироваться подлый человек.

- Разрешите сказать, господин барон, - надо было высказаться, пока мысль оформилась и Совет готов к восприятию.

- Разумеется, Виктор.

Я значительно откашлялся, встал, поправил простынь, упёр руки в стол.

- Критически важно, в короткие сроки выявить всех людей, которые появились примерно десять лет назад на новом месте. Тех, чьих родителей, родню, детство, никто не знает. Они прижились. Работают на должностях, где нужно перемещаться. Самое главное - не помнят прошлого. Может даже причины называют: болезнь, травма. Либо сочиняют его, но не сходятся данные.

Подумайте, кто этим может заняться. Нужны верные люди, которых вы лично знаете с детства. Умные, осторожные, с многочисленными связями.

Диверсантов может быть много. Должно быть много. Чтобы развалить Германскую часть Священной империи на кучки грызущихся между собой даже не графств, а баронств - одного человека мало.

Ваша светлость, — обратился напрямую к Хесу. — Простите за наглость. Дело требует. Ваша супруга владеет техниками допроса виртуозно, она знаток человеческой души, психология — её любимая наука, ей без пыток сразу рассказывают то, что палачу сутками не удаётся выбить. Можем ли мы просить... Этот проклятый Джерт в камере, вдруг ей удастся что либо узнать, сверх уже полученных сведений. Память его на самом деле нарушена. Никакими другими способами, даже пытками не получится.

- Посмотрим завтра. Возможно. Мне пора. Мы ведь все вопросы рассмотрели, господин Вальдемар? Частности обговорим завтра.

- Как председатель объявляю воинский Совет союзных баронств закрытым. Ну, что ещё по заходу? Жар отличный!

Глава 10.

Виконтесса Штейнделлингская, герцогиня Фризии, Её Светлость госпожа Амелинда Хессел`а.

Травки, они такие, обманчивые. Кажется, ну что там - трава? Я иногда назначала пациентам успокаивающие сборы. В ответ на просьбу - лучше таблеточки прописать, отвечала: просто попробуйте. Систематически, как назначено. Эффект вас удивит.

Вот сижу, теперь сама удивляюсь. Спала, ничего во сне не видела. Почти успокоилась. Только уголочек сердца словно печёт. И мысль точит: неправильно это. Неправильно и всё! Руки в работе, голова в думах.

Вчера вечером Хессел, пришедший с банного сборища, под громким названием военный Совет, не нашёл меня рыдающую в апартаментах. Мы с подругами, с очнувшейся от глубокого обморока сестрёнкой, сидели в швейном цеху, он же наша главная гостиная. Труд, работа, занятость рук помогают в горе. Ничего, что много свечей и масла сожжём. Нужно торопиться.

Начали работу над покровом на гроб Гордея. Это будет сшитый триптих из центральной аппликации с изображением птицы Феникс и двух растительно - орнаментальных быстрых вышивок по краям лентой, в стиле сплошной французский узелок.

Сумарок с Хорсом и Горазд, прислушались к предложению Андреаса, которое он озвучил при найме. Решили перевезти с Руси к началу лета в баронство свои семьи. Они едут пока есть санный путь, через два дня. Поедут с удобствами в походной кибитке, с заводными конями.

Берут гроб, чтобы передать тело родителям Гордея. Повезут также немалое наследство. Они все земляки, с одного места. Вот мы и торопимся исполнить к сроку работу.

Три прямоугольных прочных холста натянул на подрамники, как на огромные пальцы Север. Он сделал на каждом участке набросок простым карандашом. Подписал цвета. Собраны были девушками для нас все возможные оттенки цветов пламени и сияния в лоскутах, нитках, лентах. Парча синяя, голубая, фиолетовая, оранжевая, жёлтая, алая, бордовая и красная. Переливчатый шёлк, всех оттенков огня. Стекларус и бисер, из запасов Эммы. Модно было в годы её молодости вышивать.

Моя работа простая, но самая эффектная по цвету и смыслу. Поэтому в центре. Вышивальщица из меня никакая. Работаю в технике объёмной аппликации. По рисунку и цветовой схеме художника вырезаю лоскуты. Примётываю. Чуточку белой либо чёрной шерсти внутрь заправляю. В зависимости от требуемого тона, - светлее или ярче.

Собрав пять - шесть фрагментов, уже прочно пришиваю лоскуты скрученной золотой нитью, ровным, мелким петельчным швом. Выдёргиваю наметку. Идалия как вода, точила мой камень безрукости. Не ахти какая рукодельница, но простые вещи уже могу.

Хвост практически готов. Центральное перо особенно удалось: пришиты красные бусины по голубому глазку и бисер синий по краю красно- оранжевого поля. Фон будет зелёного бархата различных оттенков, из лоскутов в форме листьев. Всё ж таки птица.

Результат небольшого участка похож на ослепительно - яркую мозаику. Или солнечный витраж. На обгорелое тело невозможно смотреть без содрогания. Прощание и похороны в русском княжестве будут с закрытым гробом. Пусть этот покров будет ясным и чистым символом подвига Гордея. Тем, на что можно и нужно смотреть, вспоминая такого человека.

Сегодня встала очень рано, затемно. Снова травок, Вереной приготовленных, сама на кухне заварила. Попила. С чайничком пришла в мастерскую. Сестрица уже сидела поближе к тёмному пока окну, со свечой и вышивала мелкими узелками узор, поливая его слезами.

Вот так, увлечёшься сама собой, и не видишь, что у родного человека на душе. А она мне – родная? Единокровная сестра Андриса, живущего в моём флигеле в семнадцатом веке.

Родство не в крови, не в том, кто с кем из одного котла ест. Оно в чувстве духовного единства людей. В этом смысле – да, я приняла девочку в своё сердце.

- Пей сестрёнка. Испей и ты горькую чашу разлуки с любимым человеком. Почему мне не открылась?

Мы сидели, обнявшись, как два замерзающих от стужи зверька котёныша на остановке. Тогда я забрала их в съёмную квартиру. Дымыч выжил. Ушки только отморозил.

- Мне казалось, твоё лицо светится от чувства к Кристофу. Думала – взаимная любовь, не обращала особо на вас внимания. А оно вон оказывается что...

- Как бы я влезла, Линда? Промеж вас воздух густел от запаха плотского желания. Я давно уже всё понимаю и чувствую. Ревности твоей боялась. Стыда, что посмеётся Гордей Вольгович надо мной. Он открыто говорил, что завоюет твоё сердце и ты будешь ему женой. Меня «малявкой» называл. Это что значит? Это обидное слово?

- Милая малышка, переводится с языка славянского. Кто же смеётся над настоящей любовью? Только глупцы. Он глупцом не был. Не лей слёзы. Слезами горю не поможешь. Тебе глаза для работы нужны. Иди, умойся прохладной водой. И подумай, вдруг то же самое, что ты чувствовала к Гордею, к тебе испытывает Кристоф? Каково ему сейчас будет? А? Поигралась в Прекрасную Даму и рыцаря? Так же как я? Поговори с ним, скажи правду. Что будет, то будет.

Опухшие глазки под красными бровями приоткрылись шире от этой мысли. Пошла умыться. В комнату одна за другой вошли Кристи и Амалия. В руках каждой личная рукодельная корзинка. Её повсюду носят с собой знатные дамы. Вроде сумочки в нашем времени. Мы перекинулись пустыми словами.

Вернулась Верена, с ней Летти, будет нитки вдевать, цвета подбирать. Всё помощь. Продолжилось наше печальное творчество. Стукнула дверь, пришёл истопник, начал возиться возле углового камина. Печи, что топились из общего коридора, уже всю грели.

Живым людям нужны тепло, еда, любовь. Что нужно мёртвому. Память? Нет, ему всё равно. То, что мы делаем якобы для них, мы делаем для себя.

- Господин рыцарь Виктор Кох просит уединения Вашей светлости.

- Пусть войдёт. Отто, иди, займись делом. Не отирайся у двери.

С утра пораньше, погоревать не дадут спокойно. Наверно пришёл этикет соблюсти. Точно. Одет в тёмное. Лицо смурное, словно все печали неустроенного мира несёт на себе.

- Госпожа виконтесса Штейн...ден...

- Амелинда. Сегодня и всегда для Вас - просто Амелинда.

Сколько можно слушать это непронизимое звуко сочетание. Штейненделлинген – Каменная лощина в переводе с фризского. Звучит также тяжело и точно, будто камни с горы катятся.

- Глубокоуважаемая госпожа Амелинда, сочувствую Вашему горю, и скорбю вместе с вами, печальные дамы. Я очень уважал рыцаря Гордея Вольговича, как хорошего человека. Его гибель показала нам всю глубину его доброты и отзывчивости. Это невосполнимая утрата для его друзей и всего баронства.

Ну, это официоз из него пошёл.

- Я ... даже не знаю, чем помочь, не понимаю, как утешить... Что сказать...

А вот это от себя лично. Человек оказавшийся рядом с большим горем, естественно стремится помочь. Но боится слишком сильно приблизится. Для того и существуют официальные соболезнования. Это нормально.

- Достаточно. Этого достаточно. Всё?

- Простите. На Совете вчера решили просить Вас провести допрос поджигателя. Понимаю, очень тяжело его видеть. Но ... У него проблемы с памятью. Серьёзные. В этом случае пытки не помогут. Он рассказал только о последних десяти годах жизни. Кто кукловод? Кто дал

задание? Его ранние, прошлые воспоминания заблокированы. Возможно, Вы можете помочь в этом. Просто больше некому. Ваш супруг разрешил.

У пленника по прозвищу Джерт Игнац не было проблем с памятью. У него ни с чем уже никаких проблем нет и не будет. Когда мы с Виктором и Вальдемаром вошли в камеру, он был мёртв. Из тёплого пока тела жизнь утекла вместе с кровью из перерезанных вен.

Началась ругань, поиски виноватых, кто плохо обыскал, почему Богдан редко в окошечко заглядывал. Я пресекла назревающий скандал:

- Запрограммированный на свою смерть человек найдёт способ умереть в любых условиях. Любым способом. Вплоть до остановки собственного сердца.

Ушла. Пусть ругаются, разбираются. Пока не поймут - без толку. Нить оборвана. Двух допрошенных накануне разбойников мы с Вальдемаром на пару разговорили так, что впору было их заткнуть. Ни-че-го!

Казначей Бутуз со стыдом признался, что даже схронов у них, как у всякой порядочной банды не было. Награбленное добро – еда, скот съедалось. Денег у обнищавших вконец крестьян нет. Одежда, обувь – рвань. Первый раз нормальную плату вперёд от Хряпа получили, всё поделили.

Кошели и пояса затрофеили зверцы. Доспехи и оружие тоже им досталось. Заслуженно. Трофеи достойные. Коней, слегка поторговавшись, оставили нам. Всех. Это наверно хорошо. Мне всё равно. Мне даже всё равно, что завтра их повесят. Надо идти, дошивать покров.

Виктор сопровождал меня ценный как груз, туда, откуда взял. Дайте мне покоя, покоя хочу, чего надо, какой вопрос?

- Линда, извини. Но в моменте, ты повторяла: «Слишком большой, слишком большой человек, слишком...» Почему ты так о нём? Человек и вдруг – большой?

- Человек с дорожного знака пешеходного перехода. Похож?

- Уф, ну у тебя ассоциации. Да. Похож. Я...я. Я, нет, нет, не могу. Да, блин! Надо!

Подняв одну бровь смотрю на своего, единственного теперь, якающего рыцаря. Пусть сам решает, сможет не сможет. Его выбор. Один из сколько там миллиардов? Не собираюсь помогать. Сил нет, самой нужны.

- Линда, прости. Не любил я рассматривать Гордея. Ну ты... ты ведь наверно помнишь его тело? Размеры, пропорции? Опознание по скинутым рядом доспехам, это только для четырнадцатого века основание. Ты слушаешь меня?

- Ищи Северина. По пропорциям это к нему. Осмотрим ещё раз. Чувство у меня было: неправильно что - то.

- Ты готова снова увидеть? Если тебе тяжело, может мы...

- Да. Мне тяжело. Надо быть абсолютно уверенными. Подготовьтесь. Позовите.

Снова шьём с девчонками. Под тихие, самоутешающие разговоры, о смерти мученической, самоотверженной и прямом пути в Рай. Стежки, швы и узоры ложатся на простое полотно рогожку как утверждение сказанного. На грубой основе - нежный, как лепестки роз шёлк, роскошная жёсткая парча, объём из сотен и тысяч узелков узких лент, они как маленькие буковки. Мы рассказываем людям о наших чувствах, о боли потери...

Тяжёлый бархат придаёт основательность горьким, как полынный настой, словам прощания и всему триптиху. У меня готово правое приподнятое крыло Феникса. С него капая язычки пламени. Сама придумала. С обратной стороны швы на холсте будет закрывать льняная не отбелённая ткань. Такая же настоящая и прочная, как земля, на которой этот лён вырос.

Смотрю время от времени в слюдяное окно. Нечётко, дымчато - туманно видно: у каретника и казармы - суeta. Вышли, перегородили часть двора оцеплением гвардейцы Хессела. Из тёмного помещения на свет тянут своими силами всё те же сани - катафалк.

- Что там во дворе происходит? - не смогла промолчать Кристи. Я спокойно ответила:

- Видимо готовятся тело уложить в гроб. Плотник вчера ещё начал делать. Шьём, девочки, шьём. Надо успеть.

Я словно Морена, обрезая нить, думаю - чью она забрала жизнь? Шаги. Это за мной.

- Сходим вместе на молитву утреннюю, мои милые. После молитвы до завтрака продолжим шитьё. Идите в часовню. Идите. Я догоню.

Я и Север входим в круг из парней. Они выполнили распоряжение Виктора, но недоумевают. Тело можно переложить в гроб в помещении. Зачем вытаскивать на свет Божий и всеобщее обозрение ещё раз бранные останки? Но приказ есть приказ.

- Где его доспех? Нужен доспех, - спрашивает Виктор.

Все понимающе переглядываются, кивают. Глушила отсылает своего пацана в казарму. Он прибегает с тяжёлым бряцающим свёртком.

- Вот, товарищ мейстер. Всю бронь вчера почистил, аж сверкает.

- Ну, открывайте. Господин Северин, герцогиня, смотрите.

Смотрим. Смотрим. Не отводить взгляд! Это всего лишь переход материи из одного состояния в другое. Из живой в не живую. Из органической в неорганическую. Из Яви в Нави. Сознание осознаёт. Подсознание подвывает. Оно не желает смириться с фактом смерти вообще, в принципе, и этого конкретного человека в частности. Оно отупело и заглохло.

Включился мой мозг и его компаньон, ГР :

- Линда, хозяйка! Я помню, в брошюре : «... наблюдается уменьшение, сжатие мышечных тканей, частично обнажаются кости». Уменьшение! Эти останки даже в таком виде крупнее живого Гордея. Кажется. Север чуть отходит назад, смотрит очень цепко, вспоминает, пальцами руки словно прикидывает в воздухе размеры. Наконец делает вывод:

- Моё мнение: всё тело пропорционально больше, чем десятник. С учётом того, что при обгорании тело уменьшается... То этот человек при жизни был намного выше и массивнее, чем Гордей.

- Это всё предположения. Кто что помнит и кому чего кажется. Доспех приложите, по спине и рукавам.

Воислав с Ратибором разворачивают кольчугу. Осторожно, с бережением, прикладывают к лежащему на боку телу. Разница настолько велика, что спорить уже не о чем.

Тёмная, злобная, первобытная муть поднимается со дна моей натерпевшейся души. Она душит горло и застилает чернотой взор. Вместо яростного вопля раздаётся жалкое мычание: м-м-мм! М-м-м!!!

Но сзади меня тёплая, живая стена: моя спина находит опору. Крепкие, надёжные, заботливые руки не дают сползти на землю. Тихий звук в ухо : «Чшш - чшш...» открывает путь обычным слезам. Пришёл Хес и мы - вместе.

- Тогда кто это? И где наш десятник? - озвучивает повисший в воздухе вопрос парнишка ординарец.

Глава 11.

Вальдемар фон Мюнних.

Кто это сказал, что в старые времена люди по домам сидели, от своих мест обитания далеко не удаляясь? Судя по нашему опыту в Средневековье, только и делали, что шастали туда - сюда. Нам очень надо. Мы снова скачем в Хагген. Благо недалеко.

Мы - это я, Виктор, Микаэль, Воислав с Усладом. В этот раз ума хватило, воинов на защите Мюнна оставить. Штабельберги домой возвращаются. Хессел с сыном, с гвардией своей. Жизнерадостная, тайная для всех, кроме меня, отравительница Доротея. Также позади в саях многострадальный покойник, тело которого всё никак не обретёт последнее пристанище. Гроб у него высоковат и широковат, но в целом вид имеет приличный.

От нашего каравана почти сразу отделились фон Дрезы: Орбант и Кристоф. Кристоф имеет срочные дела в Ольденбурге, погнался так, что только снежная пыль завихрилась. Орбанту в противоположную сторону: баронство Берг должно находиться под неусыпным взглядом опекуна.

Спустя несколько времени пересекли тракт и отправились восвояси Зиверсы: Готфрид с дочерью и матерью, в сопровождении своего маленького войска, нагруженного заслуженными трофеями. Мысли барона прямо приятно было слушать, настолько он был доволен прибылью. Единственным предметом огорчения для него было лысое лицо и остриженные волосы. Это они удачно в гости зашли. И для себя и для нас.

Пора поставить точку в этом марафоне странных и трагичных событий уже третьи сутки в открытую преследующих нас, попаданцев.

Не прийти на помощь союзникам мы не могли. Но! Почему подорвались все? Гордей ринулся в огонь, оказавшись от всех отдельно, один. Ладно. Так могли сложиться обстоятельства. Но! Куда пропал? Тело не его, точно. Хотя я видел в памяти слабоумной женщины проблеск: он скидывает броню перед именно этим домом.

Ускользнувший навсегда Джерт Игнац. Натворивший дел по всему графству. Запрограммированный на самоубийство. Да так, что заложенный механизм сработал через более чем десять лет!

Это высокое искусство уничтожения базового инстинкта самосохранения, сейчас доступно только одной - двум организациям. Всё, что связано с методиками воздействия на человеческий мозг, в разные исторические периоды, я, как разведчик изучал.

Я не могу озвучить никому, кроме друзей свои предположения. Любой, кто услышит крамолу на Святой папский престол и мать нашу святую церковь - донесёт. Тут же запекут как утку, на персональном костерке.

Нужно договориться о молчании. Мы не будем ничего и никому озвучивать вслух. Имеющий мозг да догадается сам, и, тоже промолчит. На военном совете в бане все здравомыслящие промолчали. Виконт предположил вмешательство дьявола. Вот и будем бороться с его пособниками.

Мы просто будем находить, корчевать, прижигать эти ядовитые щупальца, что оплетают страны с одной лишь целью: разделяй и властвуй. Им мало власти над душами людей. Мало богатства, мало влияния на политические расклады.

Они хотят всё. Поднять под себя светскую систему управления обществом, затем её уничтожить. Их конечная цель - теократическая империя. Любой ценой. Даже той самой пресловутой слезой младенца. Завоевать только себе мир, который Он создал для всех. Их цель оправдывает самые гнусные средства. Неограниченная власть горстки грешных людей от имени Бога. Страшно.

Мы часто и много спорили с братом на тему религии, точно сошлись в одном: она должна помогать вере, а не заменять её. Мой жизненный опыт имеет несколько примеров их раздельного существования. Вера - от Бога, заложена изначально. Форма веры - религия, от человека, а человек грешен по природе своей.

Недолго я предавался размышлениям в пути. За всю зиму наверное не проезжает по этой дороге столько народа, сколько за последние три дня. Путь утоптан и плотно укатан. Скорость у нас высокая.

Показалась деревня. Так же как в Мюнне: чтобы проехать к замку, нужно миновать деревню. Мрачное, печальное и угрюмое зрелище представляет из себя она: на белом снегу как некротические язвы оплавленные круги пожарищ. Вонь, древней как мир, первобытной опасности царит над местностью. Пожар. Огонь. Смерть.

На месте бывших домов копошатся бывшие хозяева жилищ в поисках сохранившихся вещей. Металлическая утварь, посуда из глины, да камни очага. Три материала способные пережить огонь.

Люди сами похожи на головёшки: черны и словно выгорели изнутри. Работают молча. Посмотрели на нас и продолжают свои печальные поиски. Земля на пожарище не успела остыть. Смешалась с растаявшим снегом. Грязно.

- Вальдемар, Воислав, Усад, давайте мы сразу к месту проедем, - предлагает Виктор.

Мы согласны. Организуем людей на повторную переборку завала, сами осмотрим ещё раз при дневном свете. Позавчера искали под вечер, большая вероятность упустить из виду что то важное.

Герцог с сыном и родственницей умчались в замок. Доротея прекрасно держится в седле. Пусть скачет мимо. Она не годится мне в спутницы жизни, но общий язык для работы, на почве шантажа и мимолётной страсти мы нашли.

Она будет на пару с Леанной Хьюгенн моими глазами и ушами в Леувардене. Первое задание - помочь леди Маргарет самоотравиться собственным ядом, Леа выполнила. Просто проконтролировала. Голубка с условной фразой прилетела в голубятню Мюнна.

Дороти должна уничтожить все её архивы. Чтобы не дай Бог, паче чаяния, никто не узнал её истинного лица. Репутация правящей семьи - превыше всего и во все времена. Если бы они сами побольше думали об этом.

Мы подъехали к нужному дому. Грязная, в лохматых обмотках баба копошилась на пепелище. Спешились. Подошли. Она равнодушно продолжала своё дело, словно никого не видела. Откопала в углях большой закопчённый горшок. Принесла положила в кучу рядом с нами.

- Посмотри на меня, женщина. Посмотри. Как тебя зовут?

- Мыкымы. Удь. Удь!

Да. Диалог не состоялся. Глаза у неё были прозрачные, нежно голубого, незабудкового цвета, в рамке красных опухших от слёз и дыма век. Словно чувствует наш контакт, не отводит взгляда.

В голове каша из сцен пожара, самое яркое и понятное изображение: ребёнка в одной рубашонке вышвыривают через окно в снег. Смутно лицо Гордея. Кто - то огромный, рыча как медведь, выламывает дверь...Она явно злится на нас. Ушла продолжать свои поиски былого в разорённое гнездо. Догнали нас, подъехали сани с гробом.

Нужно созвать работающих рядом погорельцев. Разобрать тут всё не по брёвнышку - по щепочке.

- Подь! Подь! - кричит, машет рукой безымянная Незабудка. - П-о-о-дь!

Она нашла железный предмет и пытается его поднять. Зовёт на помощь. Мы с Виктором подошли. Это небольшая круглая железяка, но женщина тянет её с усилием. Виктор отстранил хозяйку и рывком дёрнул. Прибитое кольцо от подпола осталось у него в руках.

Ногами били в обгоревшие доски, руками вырывали крупные куски угля.

Пахнуло теплом и кислой прелью. Гордей, осев всем туловищем, сидел на большой бочке, скрючившись, поджав под себя ноги. Весь в каких то длинных белых червяках. На черном лице заскорузлая тряпка. Тянули вверх на верёвке. Тело так и застыло в означенном положении.

Глава 12.

Боярич Гордей Вольгович Бутурлин.

Враз запылали три избы в центре. Скорее - туда! Маленькая толика времени и пожара не укротишь. Храпит, бьёт копытами, не хочет скакать, выкатывает дико ставшие огромными глаза мой верный боевой товарищ. Из проулка навстречь выскочила очумелая молодая баба. Кинулась бесстрашно под копыта с силой схватила узду. Безумное лицо, перекошено криком:

- Идя, идя! Еть! Геть!

Слова непонятны, видно местечковое наречие, но смысл и тон ясны: спаси, помоги!!!

Конь не проедет, проулок узок. Я бегу, проваливаясь в сугробы, меж двух почти смыкающихся изгородей за крестьянкой. Что там у неё? Неужто люди гибнут? Господи спаси и помилуй рабов своих грешных!

Избёнка полыхает, дверь выбита, тяга страшная, крыша высоким факелом устремилась в синее предзакатное небо. Раскалённый воздух с рёвом и гулом закручивается вихрем вокруг дома. Один угол уже упал вовнутрь. Кучка хныкающих деток в углу двора. Так жарит, не замёрзнут небось.

Баба рыдает почти у порога. Тянет туда руки. Значит не все птенчики из горящего гнезда спасены. И - эх! Была не была!

Скидываю бармицу с кольчугой. Не то раскалятся, припечёт. Подшеломник и поддошпешник от жара защитят. Нырк в рыхлый подтаявший сугроб, повалялся. Подмок. И в дом. Авось пронесёт!

Светло. Дым мгновенно тянет вверх, через дыру в крыше. Адское пекло. Лицо сразу обдало, стянуло жаром. Лёг на пол. На полу лежит огромный, ровно медведь, мужик. Матилцей по затылку получил. Мозг вышибло. Мертвяк. Не вытащу быстро. Больно здоров. Сам сгорю.

Руки он в последнем усилии протянул к красному углу. Там под лавкой, задвинутой за большим столом, в самом углу белеется рубашонка. Нырнул вниз, тут воздух не столь горяч.

Вот оно. Дитяtko, живое. Сиди покудова. Рядом маленькое оконце, вышибаю ставни. Ну, идём, идём, не бойсь, ишь сердечко заполошное, не бойсь, дядька хороший. Ну что ж, что вышвырнул в сугроб, целее будешь. Поживёшь ещё.

А я - нет. Окно узко. У двери уже полыхает стена огня. Трещит второй угол крыши.

Господи! Милостив буди мне грешному... Жжёт, горит, горю! Борода опалилась. Как жить то хочется!!! Господи, Спаси и сохрани!

Под стол быстрее, он прочный. Дубовый. От удара балкой спасёт. От огня нет. За что я зацепился? Кольцо! У германцев как у нас, расположено в избе одинаково: стол и лавки в красном углу. Только у них распятие вместо икон. А под столом, чтоб не спотыкаться об кольцо, да не наступать лишний раз - крышка подпола.

Бах! Ба-бах, тресь! Обрушилась вторая половина крыши. Запылало рядом. Невыносимый жар. Всё, другого пути нет. Быстро вниз, пока не угорел, не спёкся. Бог милостив. Авось, пересяжу. Крышка, ох и тяжеленная, лестница; небольшая, но глубокая яма: репа, капуста, бочка, кринки.

Продук! Хвала Господу! Есть дыра в земле. У нас так же делают. Чтобы не упрели припасы от влаги. Ход узкий под землёй на улицу ведёт, выход недалече от стены избы. Там сверху короб, да крышечка двускатная. Навроде избушечки малой. Сестрёнка моя, Евпраксия, любила рядом с куклами в домик играть.

Треск, гул даже под полом страшный. Пошло гулять, разгораться пожарище. Но доски толстые у крышки, у всего пола, даже не доски, а полубрёвнышки. В подпол круглой стороной. Они дешевле досок. Жар и свет сквозь щели доходит сюда. Спекусь, либо задохнусь. Думай голова, раз сюда завела!

Что здесь? В бочке? Камень - гнёт, тряпка, крышка. Капуста квашеная. Мало капусты. Рассолу много. Февраль, подъели стало быть.

Тот, что наверху, не влез бы. Я с трудом, но поместился. Подшеломник смочил, надел. Крышку надвинул, щёлочку оставил. Дух ядрёный, но живой. Дышать можно.

Напились вкусного рассола от души, сушило в нутрях от жару. В бочке холодно. Пока изба сильно гореть будет, угар с тягой вверх уйдёт. Потом можно задохнуться. Надо через толику времени выглядывать.

Раз пять выглянул из бочки, всё поыхало. Стало жарко, как в хорошо натопленной бане. Рассол потеплел. Пол наверху обугливаться начал. Дым вниз пошёл. Про дух его тянет. Кашляю, до горлодёра, как вроде кость застряла. Пора.

Еле - еле из бочонка выпростался. Стёганный шерстью поддоспешник и штаны намокли, разбухли. Надышался дыма, глаза режет от рассола. Плачу.

Глубокая яма, дыра в стене высоко. Тьма. Только угли сверху рдеют. Почти ничего не видать. На ощупь подкатил бочку спасательницу к нужной стене. Напились снова. Намочил опять стёганные вещички свои. Перевернул, прости капуста! Взгромоздился на бочку, начал по стене земляной щупать, искать продох. Как назло ни тут ни там, ни ниже ни выше.

Время идёт. Дышать то надо. А уж нечем. Дурак, незнамо чем набитый! Поток ищи. Намочил в капусте руки и снова ищу, не трогаю стену, а рядом вожу. Вот. Сквозит.

Лицо в дыру, вокруг тряпку мокрую примкнул и держу, чтоб угар не проникал. Дышу. Оттуда воздух не такой горячий, без угару. Сладкий. Вот где счастье - глоток свежего воздуха. Надышаться перед смертью.

Потому как прогорит сейчас настил и рухнет на меня всё что наверху горит - догорит. Запекусь тут в углях, вместе с репой. Фу, ты! Картина какая гадостная. Нет, врешь, нас, русичей, так быстро не возьмёшь! Тут не мечом, тут умом воевать надо.

Подышал минок? Ну ко, оглядись. Тьфу! Вовсе плохо. Доски раскалились, рдеют. Ничо, ничо! Сыпаться начнёт сверху, под бочку полезу. Она прочная, сырая. Не сдамся! Земля вокруг сырая, капуста эта чёртова. Тут нечему гореть.

Кха- кха, кхр-р-р. Задыхаюсь, снова к продоху. Вроде прохладнее стал поток? Ещё хоть глоточек, полглоточка жизни... Мало жил, то ладно. Всяко бывает. Вот что жизни после себя не оставил, то не ладно. Дитёныш какой был, мягонький, лёгонький, девка ли, парнишка? К моим годам у иных мужиков семеро по лавкам. Промотал молодость по чужим землям, пронаёмничал. Нигде семени не бросил, нигде ни кола, ни двора.

Только встретил девицу по сердцу, тут же потерял. Есть, есть закон: аз воздам! Я у него выкуп несусветный, он у меня ту, что дороже злата. Даже бока друг другу намяли. Квиты. Нет злобы.

Завещание успел переписать. Хоть не нашей веры, но всё ж святой отец заверил. Удивятся наверно сильно. Половину семье, четверть товарищам, четверть - Свербигузке, уже не моей, свадебный подарок. Получается прощальный. Пусть теперь у герцога свербит во всех местах беспокойная жёнушка.

Ей пусть тоже стыдно будет. Поплачет ещё на моих похоронах, ох как порыдаёт, пожалеет. Если найдут. А не то засыпет, и с концами.

Нет. Мои не бросят. Искать будут. Всё честь по чести будет. Как у нас положено, скинут. Что останется то и схоронят. Жаль не в родимой земле. На чужбине.

Если жив останусь, ей Богу, домой поеду. Женюсь, на ком батя прикажет. Земли куплю своей, терем поставлю. Пострелят наплодим. Пойдёт жизнь своим чередом.

Вроде продышался. Сейчас посижу немного на бочке, в сон сильно клонит, наверно утро скоро. Отдохну. Устал. Как раз остынет наверху. Можно будет выбираться. Вздремну пока чуток. Немного.

- Матушка, милая! Я скучал по тебе, так скучал, вот, видишь вернулся! Обними меня, к сердцу прижми, родимая!

Глава 13.

Мисаил Михалевич, Микаэль Тургезе.

Подняли на верёвках окоченевшее в сидячем положении тело. Положили на снег. Всё молча. Работаем, господин лекарь, не до эмоций. Устанавливаем факт смерти.

- А вот хрен, всем смертям назло!!! Живой! Тёплый! Есть пульс! Жила бьётся! - ору я, сам в полном обалдении.

Почему тогда трупное окоченение? Температура плюсовая, жив. Тело тёплое. Чем воняет так? Воислав трогает, мнёт одежду на Гордее:

- Так заскорузло всё, заколдобело. Рассол это капустный, соль пропитала поддоспешник, в жару высохло. Ишь, хитрован какой! В бочке спасался! Раз-два, взяли!

Уложили Гордея в те же сани, рядышком с гробом. Услад сел и держит его голову на коленях. Он без сознания. Свежего воздуха хватает. Дыхание учащённое, поверхностное, лицо гиперемичное, красное. Есть волдыри. Следы рвоты. Хорошо, что сидел. Отравление угарным газом, по всем стандартам. Надеюсь, средней степени. Карбоксигемоглобина процентов двадцать. Это самое малое, что могло произойти. Ожоги первой, второй степени. Лицо, шея, руки. То, что видно сейчас.

Как он выжил? Это невозможно! Хотя, если рассмотреть условия горения, его спасло подполье. Газ-убийца легче воздуха. Его тянет вверх с тягой огня. Тяги на открытом воздухе хватает. Но всё равно, когда активная часть пожара закончилась, небольшая часть угарного газа от тлеющих углей попала в организм. Не всё время, пока он тут находился, без малого двое суток, это происходило, только спустя час-два после сильного огня.

- Гони, возчик, гони шибче!

Я скачу, опережая всех. Надо быстро подготовить палату, всё, что нужно для реанимации. Замок близко, надеюсь, успею.

Как организовать службу скорой помощи в Средневековье? Хотя бы в городах? Или лучше травмпункты? О чём думаю? Нашёл время. Нет у меня времени отдельно сесть и капитально подумать. Чувствую себя загнанной лошастью. Накапливается критическая масса неотложных дел.

Школа лекарей. Написание трудов по гигиене и санитарии, здоровом питании, трактат о ведьмах, развитие фармацевтики, вариоляция, строительство ЦБГ — центральной больницы графства, подготовка к походу на чуму. Практика.

Не отвлекаться. Задача конкретна. Группа крови Гордея неизвестна. Я универсальный донор. Предстоит не только откачивать отравленного, но и перелить свою кровь. Его гемоглобин вступил в соединение с угарным газом и не может присоединять кислород. Возможно, поможет ИВЛ, чистого кислорода нет, но интенсивная вентиляция нужна. Из антитромботических — всё тот же отвар ивовой коры.

Теряю драгоценное время на объяснения у ворот. Изнутри рывкает герцог, меня и всех мгновенно пропускают. Нас встречает леди Лисбет, моя выпускница. Ассистентка есть. Позавчера отлично справилась с перевязкой обожжённых людей и как Цербер караулила Андреаса, а он весьма беспокойный пациент.

— Доктор, у меня готова комната. Прошу. Близко, первый этаж.

Парни несут Гордея на плаще следом за нами. Госпожа Лисбет несётся по коридору стремительно, почти бежит. Она медпункт оборудовала, я уже оказывал здесь первую помощь сразу после пожара. Бывшие гостевые покои из двух больших комнат, одной маленькой.

Есть кушетка, уложили пациента, тут же баронета попросила вон всех лишних. Наличествуют столы письменный и процедурный, стулья, всё в белых чехлах, шкафы, один с бумагами и книгами. Второй с лекарствами, нехитрыми инструментами и перевязочным материалом.

Рядом палата на четыре места. В небольшой комнате за приотворённой дверью угадывается манипуляционная. Тазики, кувшины. Медный бак с крышкой. Очень чисто. Но навряд ли стерильно. Но мне и не требуется.

Очень некрасивая рябая женщина средних лет в белой хламиде поверх одежды и... знаком Ордена волонтеров на шнурке навывпуск ловко разрезает заскорузлую одежду на Гордее. Снимает. Я мою себе руки в тазу выше локтей.

- Госпожа Лисбет, открывайте кофр, выкладывайте коробку железную. Вы помните, как систему готовят к вливанию? Сделайте скорее.

Она взяла прибор и умчалась, вероятно, на кухню. В движении баронета кажется много моложе.

- Ваше имя? Я не видел Вас позавчера, будем знакомы, доктор Микаэль Тургезе.

- Рагна, доктор. Простите, сразу после пожара не пришла помочь. Сами горели. Что в первую очередь мне делать? У него ожоги.

- Это потом. Достаньте штуку, похожую на мехи для камина, сбоку лежит. Да. Проверить рот на наличие остатков рвотных масс, убрать тампоном. Так. Вставляйте деревянным накопником в рот и в ритме своего дыхания нагнетаем воздух в лёгкие. Нос ему зажмите. Раз! Вынули. Выдыхает он сам. А вы набираете в мех порцию воздуха. Продолжайте, не надо часто. Вдох — выдох.

Я домыл руки, вытер. Нашёл в шкафу склянку с «хлебным вином», сам подготовил бинты и стерильные подушечки для ран мюннского производства.

- Рагна, частишь. Спокойнее. Перерыв. Ох и грязный, обтирать, мыть некогда. Простыней укрой, руку левую выпростай. Продолжай вентиляцию лёгких. Устала?

- Нет, я крепкая. Посмотрите, доктор, вроде уже не такой багровый? Неужто откачаем?

- *Dum spiro, spero*, — я тру руку Гордея на сгибе самогоном, меняя несколько раз салфетку. Потом отмываю ему запястье и ланцетом делаю надрез. Рагна продолжает нагнетать воздух.

Небольшое кровопускание угоревшему заставит костный мозг быстрее производить новые, полноценные кровяные клетки. И для моей крови будет больше места.

- Всё, Рагна. Поставь кювету. До середины дольётся кровь, перетянешь, забинтуешь. Сиди, наблюдай.

Подошла Лисбет. Она самостоятельно выложила на полотенце систему остывать. Налила мне отвару. Вдвоём с Рагной принесли топчан из палаты. Пью. Укладываюсь.

- Ну что, сестра? Сможешь сама переливание сделать?

- Ему иглу поставить смогу, Вам нет. У Вас вены плохие. Мало тренировалась.

- Начинаем, с Богом.

Тяжело втыкать себе иглу, больно толстая, морально тоже сложно.

- С Богом, - дружным эхом вторит маленькая команда спасателей. Я решительно вгоняю золотой острый кончик.

С одной руки Гордея кровь тихо выливается, в другую постепенно вливается. Мне пока нормально.

- Доктор, уже половина. Я закрываю надрез. Иначе Ваша кровь уже будет без толку выливаться.

- Рагна, Вы умница.

- Я простолюдинка. Просто Рагна, не надо Вы.

- Учиться хочешь, Рагна?

- На сестру милосердия? Очень хочу! Только невозможно. Дома работать надо. Денег за учёбу заплатить нет.

- Беру на бюджетное. Со стипендией!

- Чего это?

- Платить тебе буду за то, что учишься.

- Как это???

Почему я такой щедрый? Точно! Эйфория от потери крови началась. Голова чуть кружится. Лисбет стоит за нашими головами, поглядывая поочерёдно на каждого. Теперь мы оба её пациенты. В этом времени моя ученица делает процедуру из двадцатого века.

- Доктор, как Вы себя чувствуете?

- Ещё немного можно, Лисбет, - тихо говорю я.

Лисбет, не возражая, молча вынимает иглы. Вдвоём обрабатывают проколы и бинтуют. Лежу, смотрю в потолок, он медленно плывёт, я должен спросить... спросить... Издалека грубоватый голос Рагны:

- Ишь, розовый стал! Ровно поросёночек!

Это хорошо. Поросёночек. Ожоги!

- Лисбет, Рагна - обработка ожогов.

- Отдыхайте, господин доктор.

Всё, сплю. В настоящем медпункте, на медицинской кушетке. Под присмотром специалиста и сиделки. Отвоёванная жизнь - рядом.

Проснулся от поцелуя, увы - в лоб. Смутившись, Лисбет поясняет:

- Проверяла, нет ли жара?

- Я весь горю от чувств к Вам!

- Перестаньте смущать старую деву, господин доктор.

- Насчёт девы я не против. Но кто сказал, что вы старая? Вы молоды и прекрасны! - чего меня несёт? Что я несу? Ах да! Эйфория от кровопотери. Сколько лет миловидной, строгой и гордой моей ученице? Не юна. Не стара. В суровых средневековых реалиях так можно и в двадцать пять выглядеть.

Умница, каких поискать. Сколько стремления к знаниям, мозг системный. Любит всё вокруг себя упорядочивать. Трудолюбива, могла бы бездельничать, но работает экономкой и за унижение не считает. Значит, не спесивая аристократка. Уверен, процветающее хозяйство замка Хагген - её рук дело.

Вот тебе, доктор, готовая подруга жизни, соратница в борьбе против закоснелых стандартов и приёмов отсталой даже для Средних веков медицины. Быт меня замучил, живу от семьи большую часть времени отдельно. Когда в Мюнн приезжаю, домашней пищей наесться не могу. Сколько можно в училище жить, в харчевне питаться? Желудок от изжоги измучен.

И самое главное! Девицы в пансионе от меня наконец отстанут. В перспективе - будущие студентки не будут атаковать улыбками и бюстами наперевес. Я вообще - стеснительный еврейский юноша! Всё, решено, женюсь!

Да, Лисбет не еврейка. Мама будет недовольна. Боже, какая мама... Сара тоже будет недовольна. Мы с ней немножко пошалили, в пределах допустимого, но... Я её боюсь. Девушка так агрессивна в своих намерениях, похоже, она никогда не знала ни в чём отказа.

Я слабovolен с женщинами. Сарочка точно сделает из меня подкаблучника. Подкаблучники не прославляются в веках и не двигают историю в нужном направлении. Её цель - богатство и статус. Она уверена в себе и считает меня своей собственностью.

Лисбет уже сейчас моя единомышленница. Во время учёбы я выделил эту ученицу за масштабность задумок. Она составила план развития медицинского обслуживания всего баронства Хагген!

Засиделась в старых девах? Так то моё счастье, повезло, что не увели такое сокровище. Действуем. Застолбим участок. Некогда мне. Время не ждёт.

- Госпожа Лисбет, помогите подняться, сесть хочу.

- Давайте, давайте, вот так хорошо. Не такой уж вы доктор беспомо...

Да, точно. Не такой беспомощный. М-м-мята, не брыкайся, у меня крепкие руки хирурга!

- Вы с ума сошли! Как не стыдно! Пользуясь своим положением!

- Я безумно влюблён! Сгораю от страсти! У меня много работы и совершенно некогда ухаживать. Я богат. Имею статус рыцаря. После того, что между нами только что было, я, как порядочный человек, обязан на Вас жениться!

- Подтверждаю, обязан. Я свидетель! Младший боярский сын. Знатного рода, как положено.

С соседнего топчана мне пытался улыбнуться обожжённой мордой и подмигнуть опухшим глазом из-под бинтов Гордей!

О, Господи! Прощай, свобода и харчевня! Нет, это всё-таки была эйфория...

глава 14.

Верена фон Мюнних, дочь Харальда фон Мюнних.

К советам старшей сестры я стараюсь прислушиваться. У неё гораздо лучше получается разбираться с чужими проблемами, нежели со своими. Весьма странная особенность.

Выбрала момент, когда супруги фон Дрезы, Кристи и Орбант, прощались перед отъездом, подошла к Кристофу. Должна же я пожелать доброй дороги молодому человеку.

Ах, госпожа Верена! Как я выдержу нашу разлуку! Я зачахну, как цветок без солнца, ослабею, как птица без полёта, слёзы печали заменят мне умывание, тоска по Вашим нежным прелестям не даст мне уснуть по ночам! Я сменил цвета своего наряда на серый, дабы показать всем, в какое уныние повергает меня расставание с Вами!

Славословить он может бесконечно. Оды поёт Прекрасной Даме, хотя пока рыцарем его никто официально не называл. Подвиги, кроме таскания тяжестей в виде корзинки с моим рукоделием, за ним не числятся.

Режет слух: «я, мне, меня...» Токует, как глухарь, весь углубившись в собственные переживания. Он ни разу не спросил о моих чувствах.

Не спрашивает даже о самочувствии, хотя видел, как я потеряла сознание. Просто забыл. Или считает нормальным? Да, он влюблён. Но не в меня, а в свою любовь ко мне. Мне не след на него обижаться. Я такая же была. До момента, когда увидела Гордея другими глазами.

Это было в тот вечер, когда он зашёл в трапезную, большой и заснеженный, с белой от инея бородой, румяными щеками с мороза и сверкающими от не остывшего азарта охоты васильковыми глазами. От Гордея пахло чистым снегом и радостью. А мне вдруг стало не хватать воздуха и стало тепло-тепло во всём теле.

В миг, когда он вручил трофей сестре, я пожелала обернуться этой лисой, ожить и вцепиться ей в горло остренькими зубками. Не от зависти. Не от жадности. От жгучей до злых, горько-солёных слёз ревности. Почему она, не я сейчас стою перед этим могучим воином, почему не для меня его старания и трофей знатный? Амелинда смотрела на лису, он не отводил глаз от неё, я заглядывала в глаза Гордею...

Стала понятна по смыслу странная фраза из Библии: «...ибо крепка, как смерть, любовь; люта, как преисподняя, ревность; стрелы её – стрелы огненные; она пламень весьма сильный».

Ох, права сестра: мы играем в чувства, когда их не хватает. Как только Божественное провидение даёт нам настоящую любовь, всё наносное осыпается пеплом. Душа сияет, горит в огне страсти, как птица Феникс, на почти готовом покрове.

Но горела я одна. Никогда бы не смогла, не посмела нарушить покой и счастье любимого человека. Радость обоюдного чувства сестры и Гордея была искренней. Я ощущала это, потому что в памяти были отношения мамы и отца, барона фон Мюнних.

Пепелище пожара, в котором погиб мой возлюбленный, наверно остыло. Моё горе не остынет никогда. Совершенно всё равно, кто будет моим мужем, если не Гордей.

Почему не Кристоф? Решено. Буду любезна, но не буду его обманывать. Если поймёт, значит не такой уж глухарь.

- Остановитесь, Кристоф. Прошу Вас. В момент скорби столь яркие проявления чувств неуместны.

- О, Вы скорбите, несравненная госпожа моего сердца! Неужели наше расставание настолько печалит Вас? Мне лестно и грустно одновременно слышать такое признание.

Не понял. Глухарь. Ну что ж... Пора пустить безжалостную стрелу правды.

- Посмотрите мне в глаза, господин Кристоф фон Дрез. Ближе. Внимательнее.

- Вы... плакали, много плакали.

- Да. К тому же долго была без сознания. Но не Вы тому причиной. Невозможно выдерживать, когда думаешь, как тело любимого человека горело и корёжилось в пламени.

Почти вся моя душа сейчас — пустота. Выжженная пустыня. Я не смогу полюбить другого мужчину. Никогда.

- Ах, вот оно что... Гордей фон Вольг... Тайное чувство. Совершенно неожиданно. Я даже не сомневался в Вашей благосклонности. Тогда что было между нами?

- Желание любви. Игра в любовь. Мода на любовь. Не модно быть не влюблённым в наш куртуазный век. Но изначально я действительно испытывала к Вам искреннюю симпатию. Я просто не разобралась в своих чувствах. Думала, это и есть любовь. Просто ошибалась. Вы простите меня?

- Мне больно. Вы жестоко поступили со мной. Я надеялся назвать Вас своей невестой, затем супругой. Как я был слеп!

- Кристоф, можете надеяться. Позднее. Вы мне не противны. Любовь для брака не обязательна. Вы знатный, молодой и очень красивый юноша. А я бастард. Но очень богатый бастард. Моего приданого достанет на строительство замка.

- Нет. Моя супруга должна любить и уважать меня. Как это было у моих родителей. Они вместе стояли на стене при обороне замка. Вместе погибли. Вместе в жизни вечной.

Крепитесь, госпожа Верена. Я знаю, что такое тяжесть потери любимых людей. Страданиями очищается душа человеческая.

Если мне суждено возродить замок и былое величие нашего рода, то только в таком же союзе. Благодарю за правду.

Не всё потеряно в высоких устремлениях юноши. Он запутался в чувствах ко мне, но твёрдо знает, чего хочет.

- Я понимаю Вас, Кристоф. Мои родители тоже любили друг друга. Грешной любовью, но любили. Прошу, не держите на меня обиды. Сердцу не прикажешь. Желаю Вам встретить свою истинную любовь. Прощайте!

- Прощайте, как возлюбленная. До свидания, как друг?

- До свидания, дорогой Кристоф. Мы всегда рады видеть семью фон Дрез в своём замке.

Вот и объяснились. Стало не легче, но чище и яснее. Нужно идти дошивать панно с Жарптицей, это Линда так странно называет Феникса.

Её подруга Амалия с мужем сейчас уезжают. Возле конюшни обычная предотъездная суэта. Герцог тоже куда-то собрался. Мне всё неинтересно.

Большая перемена. Ученицы, все три группы, вышли из учебных комнат. Сёстры фон Дрез, Лаура с Луизой, накинули плащи и побежали проститься с братом. Я второй день не хожу на занятия. Не хочу. Ничего не хочу.

- Верена, дочь моя! Вчера ты болела, как чувствуешь себя сегодня? На занятиях не была, я беспокоюсь.

- Какая я Вам дочь, госпожа Эмма. Оставьте все меня в покое. У меня срочное дело, нужно вышить покров Гордею на гроб.

- А потом? Что ты будешь делать потом?

- Не знаю, госпожа Эмма. Разве оно будет — потом?

- Оно точно будет. Ты пила травы, что господин Микаэль тебе с Линдой назначил?

- Зачем? Я хорошо себя чувствую. Я не больна. Не надо ко мне прикасаться. Не трогайте меня.

- Я тоже иду к Линде в мастерскую. Нам по пути. У меня закончились уроки. Помогу вам доделать покров, баронесса Амалия уехала, Кристи тоже. Вдвоём не успеете.

- Да, да. Идём. Помогите нам, госпожа Эмма. Это важно, очень важно. Нужно успеть. Хотя бы это успеть.

Амелинда налила мне отвар из небольшого фарфорового пузатого кувшинчика с крышкой. Чайник называется. Очень красивый, с розочками и позолотой по белому полю. Кубок малый с одной изящной ручкой. Такой же расцветки. С маленьким круглым подносом. Дорогие вещицы. Разнести бы вдребезги. Нельзя. Аристократки так себя не ведут. Мама бы расстроилась.

- Меня, значит, заставила, а сама не пьешь, давай быстренько. Давай, давай! Дело не ждёт! Помоги мне подобрать бусинки и бисер поярче. На хохолок птице. В какой связке? Этой? Или этой?

Она подняла низки сверкающих бус на уровень своих заплаканных, как и у меня, глаз. Какие глаза у сестры, синие, глубокие. Зрачок как вход в ни-ку-да...

- Вставай, соня! Боюсь, постель обпрудишь, спишь почти сутки! Где тут нашей малышке горшочек?

- Ну всё, хватит, Линда. Встаю, видишь. Кто меня тащил до спальни? Стыд какой. Второй раз в обмороке.

- Не обморок. Это был лечебный сон. Не кряхти, как старуха, не ворчи, есть радостная новость.

- Даже представить не могу, что может меня обрадовать. Погоди. Схожу пожурчу.

За ширмой разложено моё самое нарядное новое парчовое малиновое котарди. У него безумно дорогая отделка из белоснежного меха ласки. Раньше мне оно нравилось, сейчас контрастно, раздражительно ярко, так что режет глаз. К нему кто-то положил киртл розового шёлка с вышивкой белыми лилиями. Было нежно. Сейчас скучно.

К чему эти тряпки? Мне всё серо, неинтересно. У сестры лицо соперничает сиянием с птицей Феникс. Наверно, закончила шить панно. Тоже мне, радость.

- Зато я знаю, что тебя порадует и сделает счастливой. Чудо!!!

- Что, труп Гордея воскрес?

Тресь!!! Заслужила. Переживу. Тем более от статусной дамы. Тем более никто не видел. За то, что я ляпнула, подзатыльника мало.

- Ах ты... циничная мелкая дрянь! Вот не скажу теперь! Мучайся!

- Да мне всё равно. Уйдите, Ваша Светлость. Я лягу.

Она буквально насильно стиснула меня в объятиях; сильная, крепкая, живая.

- Вышла ошибка, Енка, сестричка! Слышишь? Обознались. Снова проводили опознание. Это не Гордей Вольгович был. Другой человек.

- Говори. Да не лезь ты со своими обнимашками!

- Жив. В Хаггене. Угорел сильно, обгорел немного, но жив!!! Вот только только гонец прискакал. Я так спешила к тебе, аж задохнулась!

Словно щебечущая стайка птичек прилетели, вернулись вновь запахи, звуки и краски. Серая мгла уступила место свету и цвету. Я тоже - снова жива... А вчера умирала.

- Ещё новость: начальник твой, господин Микаэль Тургезе, женится завтра. На баронете Лисбет фон Штакельберг. Ну ты чего молчишь? Понимаю, ты потрясена.

- Но не удивлена. Думаю, сестра. Думаю.

- Надумала чего?

- Что хочешь делай, Линда, как сестра, как сваха, но чтобы быть мне вскорости невестой, а потом женой Гордея Вольговича. Я за ним в огонь и воду, и на край света пойду. Только стыд девичий меня удерживал, да ваши чувства. Ты замужем. Имей совесть. Я... я маме пожалуюсь! Отступись! И помоги!

- Приложу все умения, сестрёнка. Для тебя расстараюсь. Скажу только тебе, по секрету: мне кажется, я снова влюбилась!

- О, Божечки! В кого теперь?

- В него! В мужа. Представляешь? Во дура-то!

- Вот! Уцепись и держись, может, надолго тебя хватит в этот раз. Союз, освященный Богом, благословен! Как ты думаешь, ехать мне на свадьбу в Хагген? Он там болеет лежит, я бы ухаживала. У меня по уходу девять баллов.

- Так родственник твой в Хаггене завтра экстренно венчается. Брат жены твоего брата. Конечно ехать! Гордея увидишь, присмотришь за ним. С нами тогда не поедешь в город. Потом молодые сразу в Ольденбург уедут. На работу. Я платье тебе приготовила, новый киртл, а камизу с труселями видела? Нет? Да там такое! Ришелье сплошное, с ленточками! Давай, на вот, примерь.

Одела бельишко, срамотища какая модная! Попрыгать? Поскакать, повизжать, покричать? Счастье затопляет меня, как золотистый тёплый поток света, греет, пушисто-щекотно ворочается внутри и требует выхода! Подпрыгиваю на кровати, никогда в жизни мне не было так хорошо:

- А-а-а-а-а!!! Э-ге-гей! Жив Гордей! Жив!! Гор-дей!!!

- А-а-а-а-а! Ура!!!

- А ты-то что орёшь, сестрица? Он - мой!!!

Глава 15.

Амелинда.

Всякие разные свадьбы видела. В благополучном двадцать первом веке таинство единения двух человек в семью превратили в шоу. Стали модны торжества в каком либо стиле.

Была на эльфийской свадьбе - не наелась. На байкерской была, сдуру прицепилась к Андреасу, когда его друг женился. Чуть со страха не описалась, прямо на байке, порвала платье, оглохла и запыхалась. На викторианской была, - скучища! Свои три свадьбы считаю традиционными, немного с национальным колоритом.

В Средневековье видела пока три типа: классическую, у Идалии и Андреаса. Свадьбу под виселицей. Этих даже две. Ну и свою с Хесселом, так сказать на смертном одре. Где слова : пока смерть не разлучит вас, звучали зловеще и актуально.

Очень любопытно, как женится Миша? Про себя я назвала её - свадьба экстерном. Что его сподвигло?

Молодая была по местным понятиям не молода. Амалия говорила, что золовке через три года будет тридцать. Когда девушка столько лет ждала своего звёздного часа...

Она может сильно огорчиться, если его не будет. И попомнить потом мужу, так часто, как это требуется.

Раз уж как сваха я не участвовала, никто не помешает мне проявить организаторские таланты. Начнём с главного: платье. Готового свадебного нет. За день не шьётся. Просто любое нарядное не подойдёт. Нужно новое, красивое, богатое. Как компенсация за счастливо прожитые внебрачные годы.

Пришлось срочно переделать расписание, освободить себя и Идалию от нагрузки на сегодня.

- Ну, показывай Идусик, чего вы мне нашили. Столько навалилось ужасов, последние дни как в триллере жили, не до примерок было.

Идалия изменилась, за то время пока я разъезжала. Стала менее противоречивой, целостной. Не старалась нравиться. Словно поняла - не нравиться она не может. Появилась уверенность в себе не как красавицы, а как личности.

Поработать ещё есть над чем. Но перемены в ней - разительные. Хозяйка баронства! Любимая женщина! Как она двигалась! Стремительно и грациозно одновременно.

Вот идёт не меняя траектории движения, на пути угол стола. Доля секунды, изящный изгиб тела, пять миллиметров, не снижая скорости дальше! Мне любое помещение всегда в бёдрах узковато. Вечно в синяках. Простор замка - это по моим размерам.

- Ида, хочу один новый комплект: котарди и киртл с камизой сделать свадебным подарком. С бельём. Как думаешь?

- По цене - достойно. По смыслу - кстати. Навряд ли невеста успеет подготовиться. Так, надо подумать. Идём в гардеробную.

- Если это традиционная гардеробная средневековья - я пас! Иди сама!

- Линда, я ещё не настолько тут освоилась. Обычная сухая комната. На складе тканей не так много места занято, мы использовали большую часть запасов. Убрали доски с полок. Смастерил плотник стойки со штангами, плечики, в общем, увидишь.

Прошли в хозяйственное крыло на первом этаже. По коридору, после кладовых, комнаты Августы, жилой комнаты для женского персонала, был тот самый склад.

Давненько я не гуляла по своему дому. Соскучилась, будто всю жизнь тут прожила. В будущем я планировала выкупить заброшенный замок Мюнн. Сделать реновацию. Отреста-

вшивать. Сейчас я жадно, с пристальным вниманием вглядывалась в любую деталь. Вдруг пригодится?

Гардеробная напоминала её же, с уклоном в салон. Ида и тут отличилась. В торце узкой, оштукатуренной и покрашенной в бледно оранжевый цвет комнаты, под окном стоял диванчик, рядом низкий стол с графином из хрусталя и бокалом. Целое состояние по нынешним временам. Стоп! Оштукатуренной?

- Ида, кто и чем штукатурил? Откуда такая отделка?

- Есть цемент, Линда! Доминик нашёл пропорции. Извёстка - куча за конюшнями лежала, для побелки. Песок - под ногами всюду. Вот! Больше месяца работал, рассчитал опытным путём. Старые жерновагодились, намолотили, смешали. Инструмент Виктор с плотником сделали и вперёд, баронесса, с мастерком наперевес!

- Феноменально! Идка, ведь теперь замок внутри оштукатурить, теплынь будет! Ты ещё и штукатур! Ой, я в очереди первая! Научи кого -нибудь, только не меня, пусть отделают нам с Хесом покои. Когда уедем. Красиво, ровно, цвет приятный. Охра?

- Охра колером идёт, белили мелом с солью.

- Откуда, ну вот откуда ты столько знаешь, Идусик, мой лапусик? Сколько талантов! На все случаи жизни! Ты не представляешь как нам волонтерам и нашей семье Мюннихов повезло с тобой!!!

Ида, довольно зарделась.

Вдоль длинной стены с одной стороны женские наряды на плечиках. Напротив - мужские. Манекены женские обтянутые чёрным плотным сукном, трёх размеров, в том числе моего, пятидесятого.

В наличии и мужской манекен. Есть небольшой пьедестал. Поясное зеркало, ранее висело в санузле флигеля. Высокий напольный кованный канделябр возле него, с ароматическими свечами. Везде лежали красиво вышитые саше с отдушкой. Очень, очень атмосферно и мило.

- Ого! Ничего себе! Вот это вы нашили! Меня чуть больше месяца не было. Да вас страшно одних оставлять. Все ткани изведёте.

- Тут платья старые, вот новые. Эти - твои. Выбирай, чем пожертвуешь.

- Амалка говорила, золовка - статная блонди. Стало быть, что мне идёт, то и ей подойдёт. Но случай особый. Пожалуй...это! Или...это?

Я зависла между двумя совершенно разными по цвету и фасонам нарядами, как тот буриданов осёл. Помереть с голоду не дала Ида.

- Берём сиреневое. Светлый, нежный, прохладный цвет. Молодит, освежает. Давай, примеряй, посмотрим.

- Нет, не буду. Жаба задушит. Давай на манекене взглянем.

Надели нижнее платье - футляр из нежно кремовой парчи на белом хлопковом подкладе. Парча материал жёсткий, плотный и царапающийся.

Моделирование вытачек создаёт подчеркнутые линии женственного силуэта. Затянули боковые шнуровки. На манекен село идеально. С запасом пять сантиметров. С обеих сторон есть ткань под шнуровкой.

Верхнее котарди было из тончайшего светло - сиреневого, скорее даже фиалкового шёлка. Настолько тонкого, что просвечивал киртл. Из последних приобретённых Доротеей в Ольденбурге тканей. Мало мне что понравилось, вкусы по цветовой гамме у нас резко не совпадают. Мне придётся делать обмен. С этим шёлком угодила. Очень мелкие складочки и драпировки своим расположением создавали эффект водяных струй, омывающих фигуру. Смело.

Рукава были традиционные - очень длинные и расширяющиеся. Два потока. Шлейфа, как положено парадному котарди не было. Его заменяла длинная мантия от линии плеч, того же шёлка, с легчайшей вышивкой серебряными нитями, имитирующими блики на поверхно-

сти воды. На плече висел шарф, с ним можно сделать причёску, либо использовать как вуаль. Костюм нимфы. Юной, цветущей, нежной.

- Да... Ида, ты превзошла сама себя. Особенно идея с обтеканием струй, это нечто! Я правильно сделала, что не одела его! Чем я отблагодарю тебя? Кроме оплаты, естественно?

- Посвяти нам с Андреем время. Мы оба нуждаемся в твоей дружеской психологической помощи.

- Не вопрос. Есть конфликты?

- Конфликтов нет. Мы понимаем друг друга. Есть желание совершенствоваться. Северин тебя тоже очень ждал.

- Я помню. Он не слишком назойлив?

- Напротив. Избегает. Но я его флюиды на расстоянии чувствую. Сделай чтонибудь, а? Жалко его...

- Жалко у пчёлки! Смотри мне, жалельщица, вида не показывай. Если мужика в такой ситуации жалеют - он жалок! Хочешь добить? Жалей.

- Всё, всё! Я буду жестокой стервой! Второе платье примерь. Тебе отлично на пир пойдёт. Ярко, статусно, богато!

- Люблю травяной зелёный. От него кожа нежнее цветом. О, боже! Лимонный киртл! Ты волшебница Идочка, ты моя фея крёстная! Не удивляйся!

Я сегодня с утра как сумасшедший воробей весной чирикаю! Как хорошо радоваться платью, жизни, любви! Гордей жив! Мрак ушёл, да здравствует свет! Как я устала за эти дни от безнадёги!

Я долго анализировала, кто он для меня? Для нас, волонтеров?

- И-и-и, не томи...

- Символ будущего нашей страны, Ида. Так - то.

- Вот сказала и припечатала! В точку.

- Столько навалилось на нас в последнее время. Муж наверное думает, что за злополучное место, наше баронство. То одно, то другое.

Началось с поединка, продолжилось пожаром, закончилось нападением. Это только при нём. А до этого: Андреас ранен, Веренку чуть не похитили и Неле. Берги эти маньяки в соседях. Куда мы попали, ужас!

- Жизнь средневековая, она такая, у них, точнее уже у нас это трудовые будни, мы просто не привыкли пока. Нормальное у мужа твоего будет мнение, приехал - женился, уезжает - свадьба.

- Из Хаггена он с сыном и сопровождением уедет в Ольденбург. Отоварится. Снова будет целый обоз продуктов. И домой, во Фризию, народ кормить, править.

- А дочку не отвезёт к графскому двору? Её ведь для этого привезли, в будущей семье погостить.

- И для этого тоже. Но я её пока не отпущу. Со мной в Мюнне побудет.

- Ты любишь её словно родную. Когда смотришь на неё, хочется встать между вами и перехватить, украсть твой взгляд, погреться. Разве такое возможно. За короткий срок?

- Всё возможно на этой прекраснейшей из планет. Расскажу, почему так случилось. Мы долго будем беседовать, Идочка. Ты, Андрей и я.

Мне тоже жизненно необходимо поделиться с вами историей из своего детства и проговорить тяжёлую психотравму. Я всех слушаю, послушайте и вы меня.

- Вечером, как затопят, придём, обязательно.

Брат с женой были у меня долго, мы поговорили не торопясь, обстоятельно. Правдиво. Простыми словами, не умничая и не стараясь казаться умнее, чем есть. Пришла моя ненаглядная красота, моя единственная прелесть..

Доротей уехала с герцогом, пока в Хагген, далее в Леуварден. Очень не хотела возвращаться, но Хессел решил, что она пригодится в политических раскладах. Дитё осталось с горничной и не слушалась её.

Спала я снова с Клариссой. Раз место свободно, папа уехал, она и её новая фаворитка кукла Матрёна, его заняли. Кровать огромная, я спасаюсь, отодвигаясь всё дальше, дальше. Но дочь упрямым крабиком карабкается следом, настигнув, с облегчённым сонным счастливым вздохом пристраивает конечности.

Хоть зубами перестала скрипеть, уже счастье. Невзирая на весь происходящий в эти дни ужас, она получала три раза в день порцию глистогонного отвара и тыквенное масло. Верена - человек долга, гиперответственный человек. Сама чуть не померла, но пациентов не оставила своей заботой.

Как она меня резко осадил: - он мой! Девушка думает, что если отец написал в завещании «с правом выбора», то в кого она ткнёт пальцем, тот её. Придётся наизнанку извернуться, но организовать сватовство Гордея к Верене.

Зато Миша без меня обошёлся, мне как свахе чесслово, прямо обидно. Сара на него очень рассчитывала. Чуют они евреи друг друга что ли?

Значит он сделал выбор в пользу медицины, выбрав помощницу в деле оздоровления нынешнего и будущего населения планеты. Женится бы на Сарочке, имел бы выходы на еврейскую диаспору.

Михаил, как-то в самом начале нашего попаданства, поделился со мной масштабной, огромной мечтой — застолбить богоизбранному народу территорию для своей страны. Для земли обетованной. Чтобы никто не претендовал на эти земли. Где евреи, покинувшие Египет, могли бы жить в своём историческом праве, никого не притесняя, ни с кем не конфликтуя. Где соседи по неоспоримому законному праву признавали бы их территорию. Если сбудется, то с лица планеты исчезнет один из древнейших очагов напряжения, конфликтов и войн.

- Ты понимаешь, Линда, сейчас есть такая возможность! Эта земля довольно чётко обозначена природными границами: Средиземное море, река Иордан и река Литани.

Согласно Торе, она обещана Богом всем двенадцати коленам Израилевым. Я бы назвал её как было и должно: Ханаан. Земля текущая молоком и мёдом.

- Ты как себе это представляешь? Там же люди живут и других национальностей, не только евреи.

- Золото, Линда. Просто покупать из года в год, из десятилетия в десятилетие, из века в век землю у владельцев. Если понадобится - устлать её золотыми монетами, слитками золота и серебра и купить. Евреи всего мира вместе смогут. Я уверен.

Предприимчивость и трудолюбие, совершенство в мастерстве, ростовщичество, банкиры, великие учёные, купцы, ювелиры, златокузнецы, талантливые ремесленники, врачи, - всё люди не бедные. Если объединить их одной идеей, одной миссией, то всё возможно!

- Ты предлагаешь самый неоспоримый законный вид собственности на недвижимость - покупка. Не война. Не захват. Нет обиженных. Да, в этом есть рациональное зерно. Народонаселение сейчас не так велико как в будущем. Землевладельцев и вовсе меньше. А что же другие, бедные люди, не евреи и не владеющие землёй, но там живущие?

Миша зажётся, чёрные большие печальные еврейские глаза его засверкали, он понял, что идея показалась мне не лишённой смысла. Он запустил свои холёные белые руки с длинными пальцами хирурга в пышные кудри, взлохматил их, потом стал теревить подвеску, со змеёй сдающей яд. Признаки крайней степени волнения, для сдержанного человека.

- Я обдумал! Для таких людей создать в других местах, соседних странах очень заманчивые условия жизни и работы. Они с радостью уедут сами в лучшие условия. Опять таки

переселение - это вопрос ресурсов, денег, золота. Людям нужны подъёмные. Собранные в виде добровольных пожертвований всем еврейским миром за пятьдесят - сто лет.

Без тебя никак Линда. Нужны честные люди, для которых невозможно украсть. Нужны не воруящие, фанатично преданные делу хранители сокровищ и банкиры. Их нужно выбрать и, не побоюсь этого слова - запрограммировать на честность.

- Практически невозможно. Ты думаешь почему вор не может остановиться? Вот всё у него имеется и даже больше, но пока есть возможность и доступ к ресурсам человек ворует. Даже неважно что.

- Почему?

- Птицы гнездятся на пляже. Гнездо - из камней, чтобы яйца не раскатились. Пока одна кормится, другая ворует у неё камни. Которых вокруг миллионы. Но эти лучше, круглее. Потом наоборот, сосед ворует уже у него.

- Ну так почему?!

- Инстинкты Миша. Доступные чужие ресурсы нужно присвоить. Для выживания себя любимого и драгоценного потомства. У людей благодаря разуму этот инстинкт приобретает уродливые формы. Грабёж, разбой, кража, война.

Поэтому человечество придумало социальные ограничители: законы Божеские и человеческие. Это уже следующий, социальный этап эволюции. Тот, что позволяет выжить всему человечеству в целом. Только люди достигшие более высокого духовного уровня развития не воруют.

Ты предлагаешь избавлять людей от составляющей частички одного из базовых инстинктов - выживания. А если процесс затронет всю основу? Что мы получим в итоге? Какого монстра? Я не знаю.

Не знаю, но уже могу. Чувствую, что могу. Мои способности к убеждению, гипнозу усилились многократно. Иногда достаточно взгляда с посылом. Мне страшно.

- Не делай трагедии, Линда. Значит так нужно. Значит тебе можно доверить это оружие. Будет сложно, приходи, поговорим об этом!

Мисаил засмеялся, сверкая белыми зубами на смуглом лице

- Ой, Миш, а чем ты зубы чистишь?

- Заговариваю!

Углём берёзовым в пудру истолчённым оказалось.

Утречком, наша мюннская банда, в составе: супругов фон Мюнних, герцогини - одна штука, падре Конрада, баронессы матери и незамужних пока что двух девиц, Клариссы и Верены, упаковались в средство передвижения.

Наша Опелькарета вмещала шесть человек сидя, на недалекие расстояния. Верена и Кларисса, муттер и падре были людьми мелкогабаритными. Уместились.

- Ничего, в тесноте, да не в обиде, - торжествующим взглядом обвела компанию Кларисса, которую не хотели брать. Будущая королева закатила ле гранд скандал. Я втайне порадовалась: исправляется ребёнок. Главное вовремя заметить излишний крен и остановить.

Человечек учится отстаивать свои интересы и границы лет с двух, а родители считают это капризами. У Клариссы нужное качество было практически уничтожено. Тем очевиднее успехи.

Она упорно копирует меня во всём. Приходится жёстко себя контролировать, следить за речью, интонацией, манерами, жестами. «Не нужно воспитывать детей. Всё равно они будут похожи на вас. Воспитывайте себя». Вихляйся, не вихляйся, Амелинда, самоперевоспитанием заняться придётся!

Путь недолгий, компания тёплая, тема общая: помощь Ордена волонтеров погорельцам.

- В казну Ордена поступили добровольные взносы в сумме пятьдесят два серебряных талера.

- Муттер, откуда такая крупная сумма?

- Твой супруг с твоим воскресшим рыцарем показательным мордобоем заработали. Это ставки, что на них военные и другие зрители делали. Раз победителя не было выявлено, то на благотворительность ушли. Ты не помнишь, не до того тебе было.

- Деньги азартные, греховные. Богоугодное дело их на благотворительность обратить.

- Ваша правда, падре. Что посоветуете - по семьям раздать или барон пусть на нужные закупки пустит?

- Раздайте, баронесса. Им сейчас на первые расходы средства нужны. Популярности Ордена сильно поспособствует, если из рук казначея множество людей получит. Люди на добро отзовутся добром. Барон Штакельберг и так обязан помочь, эти люди кормят его, он покровительствует и защищает.

- Благодарю за совет, падре Конрад. Так и сделаем.

Умно. Просто. Честно. Наш падре стал пользоваться непререкаемым авторитетом у семьи, военных, слуг. Каждому он находил нужное слово. Мог пристыдить, мог утешить. Свято хранил тайну исповеди. Пока меня не было, прекрасно справлялся с ролью замкового психолога.

Я помнила про своё обещание помочь Северину с проблемой, скажем так, общения с противоположным полом. Она отпала после исповеди. Север рассказал мне, что пришёл к священнику исповедаться на эту тему, испросить совета.

Падре Конрад начал слушать. Потом внезапно попросил поменяться местами. Северин в его кабинку, падре сел на лавочку рядом. Стал рассказывать о всех мыслях, искушениях и наказаниях самому себе, связанных с celibатом.

Северу стало стыдно за своё нытьё, он понял: у него просто временное затруднение, а у падре - пожизненный крест. Я поняла, что священник мудрый человек. Не поняла только, откуда эта мудрость.

Думаю, максимум через пять лет будет решаться либо вопрос об автономии церкви Германии; либо о полной смене руководства и основных принципов работы Папского престола.

Люди такого склада как падре, будут выдвинуты с нашей подачи на высокие должности. Пора ему делать карьеру. Андреас буквально припёр священнослужителя к стенке возка. Сидели рядом. Вес брат так и не сбросил.

- Уважаемый падре Конрад! Сейчас у вас небольшой приход и замковая часовня. Вскоро будет городская кирха, возможно не одна, понадобится окружной викарий.

Герцог серьёзно настроен на скорейшее объединение наших государств. Встанет вопрос о расширении состава епископов нашего вероятного королевства.

Я не могу сказать о точных сроках, но это будет быстрее, чем обычно. Готовы ли Вы взять на себя ещё большую ношу и ответственность? Патетический тон я брату посоветовала. Должен среагировать.

- Я готов служить Богу везде, куда Он меня призовет, - скромно потупив голубые очи сказал агнец Божий.

По моему это было «Да».

Осталось ещё одно «Да» получить. От Гордея. Брать буду тёплым. В больничной постельке.

Глава 16.

Амелинда. Продолжение.

Подъезжаем. Близко от нас живёт подруга Амалия, но я у неё впервые.

Сейчас едем по той же самой дороге, по которой я в двадцать первом веке выехала в прекрасный весенний день на автобусную экскурсию.

Тогда я посетила старинную деревню Хагген, экологичную ферму, магазин, где продавались разнообразные фермерские товары, от семян до сыров.

Потом пять минут пути на автобусе, и я увидела свой будущий флигель и замок. Сейчас Хагген и Мюнн отделены друг от друга, в будущем они сольются в один населённый пункт.

Мне обидно, что название «Мюнн» исчезло с карт, осталось только в фамилии рода.

Хагген процветающее среднее баронство. Было. До войны. Потеря крепких молодых мужчин крестьян тяжело сказалась на экономике хозяйства. Сократилась площадь пахотных земель, сенокосы, скот. Оброк.

В баронской семье погиб младший неженатый сын, стал инвалидом старший баронет. Сам барон сильно сдал и пристрастился к спиртному. Баронесса чуть не умерла от горя при известии о смерти младшенько

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.